

**Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан**

Ташкентский химико-технологический институт

**Мирсагатова У.З. Комилова Ш.А.
Имомалиева М.А.**

Методическое пособие

**СБОРНИК ТЕКСТОВ ДЛЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ**
(для студентов нефилологических вузов)

Ташкент 2009

РАЗДЕЛ I

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Что такое история?

История – очень древнее слово. В переводе с греческого языка оно означает «исследование», «рассказ о событиях». Почти две с половиной тысячи лет прошло с тех пор, как человек по имени Геродот впервые познакомил людей со своим научным трудом. Таким образом, Геродот стал первым ученым-историком, и мы не случайно называем его «отцом истории».

У всех народов мира есть свое настоящее и прошлое. Каждый человек хочет знать, откуда взялись и как жили его предки. В старину говорили: «Расскажи нам свою историю, и мы скажем кто ты».

Что же это за наука – история?

История изучает, как жили и развивались различные народы, какие при этом происходили события, как и почему жизнь людей изменялась и стала такой, как сейчас.

Знание истории помогает людям: узнавая прошлое, мы видим, что во все времена человечество испытывало невзгоды и лишения, но жизнь все равно продолжалась, а годы горестей и несчастий обязательно сменялись лучшими временами.

История учит нас справедливости, помогает по-новому взглянуть на окружающий мир.

История – это дорога во времени. Она уходит в глубь веков, в седую древность, а выводит нас в современный мир. И ведет нас по нему.

Что было в каменном веке?

Каменным веком называется длительный период времени, относящийся к доисторической эпохе, закончившейся с изобретением человеком письменности. Люди жили на Земле по крайней мере 500000 лет, однако первая письменность появилась у них только около 5000 лет назад. Другими словами, доисторическая эпоха длилась довольно долго.

Поскольку именно тогда человек научился делать всевозможные орудия труда, то этот период и получил название каменного века. Он подразделяется на древний каменный век (палеолит), средний каменный век (мезолит) и новый каменный век (неолит).

Возможно, первым орудием труда, изготовленным в то время человеком, стал большой камень с заточенной каемкой по всему параметру, которому ученые дали название «ручное рубило». Отколотые от камня острые осколки также использовались людьми в качестве инструментов. Таковы были едва ли не единственные орудия труда людей в течение многих тысячелетий.

Позднее, в Ледниковый период, в Европе появились неандертальцы - люди, имевшие более совершенные инструменты, чем их предшественники. Они также добывали себе пропитание охотой, однако делали это уже не в одиночку, а группами.

На смену неандертальцам явились кроманьонцы, продвинувшиеся ещё дальше в своем развитии. Они научились создавать новые орудия охоты и труда: гарпуны, каменные ножи, наконечники для копий, скребки.

Примерно 6000 лет назад в жизни людей произошел крутой поворот, резко изменивший все их существование. Они научились выращивать зерно. Так наступил период неолита – нового каменного века.

Человек стал заниматься животноводством, использовать шкуры домашних животных в качестве одежды, строить дома. Вскоре он начал создавать новые предметы и вещи, не существующие в природе.

Он научился лепить посуду из глины, прядь лен и шерсть. Люди стали работать сообща, и постепенно начали появляться первые поселения, ставшие прообразом деревень и городов. Так зарождалось то, что теперь мы называем цивилизацией.

Что такое флора?

Все растения, что окружают нас на суше и под водой, составляют флору Земли. Это и деревья- исполины, и чахлые маленькие былинки, и даже микроскопические морские водоросли.

Ботаника – очень увлекательная наука. Ведь она занимается классификацией бесконечно разнообразного растительного мира. Небольшие растения можно засушить и составить из них гербарий. Ну, а определить и описать их можно с помощью специальных классификаторов и словарей. В Древнем Риме богиня Флора покровительствовала цветам и садам. В её честь устраивались пышные цветочные праздники. Нынешний вариант этих древних дней цветов и садов – выставки цветоводства, которые привлекают многочисленных посетителей.

Что такое гевея?

Одной из самых интересных историй из жизни растений является история гевеи, или каучукового дерева.

С первых дней его открытия в Южной Америке, когда испанцы – завоеватели увидели детей, играющих с резиновыми шарами, стало ясно, что каучук обладает непроницаемостью и другими ценными свойствами. Настоящий бум для каучуковой промышленности наступил, когда начали изготавливать резиновые шины.

Каучуконосы лучше всего произрастают не далее 10 градусов от экватора на север и юг, поэтому полоса шириной 1300 км по обе стороны экватора известна как «каучуковый пояс». Дело в том, что для каучуконосов требуется очень теплый влажный климат и плодородная почва. Больше всего каучука получают от «гевеи бразильской». По его названию можно

предположить, что вначале дерево было обнаружено в Бразилии. В настоящее время почти 96% мирового производства натурального каучука дают плантации этих деревьев, их выращивают во многих странах каучукового пояса.

Хотя каучуковые деревья родом из Южной Америки, теперь они растут во всех тропических странах, особенно в Юго-Восточной Азии.

Добывают каучук таким образом: в определенное время на стволе дерева делается надрез, из которого выделяется белый млечный сок – водянистая смесь натурального каучука, белков и солей. Это латекс. Его называют также паракаучуком или крепом.

Подобно сосновой смоле, латекс стекает из надреза на стволе гевеи. Его собирают, затем перецеживают и разбавляют чистой водой. При добавлении кислоты раствор свертывается и дает эластичное вещество – натуральный каучук. Его спрессовывают в листы и сушат. Натуральный каучук – прекрасное сырьё для производства резины, которая буквально окружает нашу жизнь. Камеры и покрышки колёс, трубы и надувные детские шарики – все это когда-то было соком тропического дерева гевея.

Что такое оливковое масло?

Оливковое масло извлекалось из оливок и использовалось для многих целей ещё с древних времен. Пока не было изобретено мыло, мудрые греки и римляне имели привычку натирать тело оливковым маслом. В средиземноморских странах оно использовалось для приготовления пищи.

В древние времена масло извлекалось из оливок путём измельчения фруктов большими каменными жерновами. После измельчения оливковая масса складывалась в ткань и отжималась.

Сегодня этот процесс упрощен и механизирован. Современные жернова размалывают оливки. Гидравлические прессы выдавливают масло. Затем его тщательно фильтруют и очищают, чтобы сделать прозрачным. Масла получается от 15 до 30 процентов от общего веса спелых оливок.

Было время, когда в некоторых частях мира короли оценивали свое богатство количеством сосудов, наполненных оливковым маслом и хранившихся в их складах.

Что такое зерновые растения?

Несмотря на то, что зерновые растения составляют сравнительно небольшую группу видов, они являются важнейшим продуктом питания для человечества. Их семена, называемые зёрнами, содержат важнейший для человека продукт питания. – крахмал. С глубокой древности семена некоторых видов трав использовались в пищу человеком и животными.

Сначала человек только собирал зёрна дикорастущих растений, но постепенно научился специально выращивать их. После созревания колосья срезали, высушивали и извлекали из них зёрно. Для этого колосья раскладывали на ровной площадке и ударяли по ним специальной палкой –

цепом. Затем солому употребляли на корм и подстилку скоту, а зерно собирали и пускали в пищу.

Крахмал содержащийся в зерне, окружен жесткой оболочкой и является источником питания для прорастающего семени. Поэтому для употребления в пищу зерно надо было размочить в воде или растереть между твердыми камнями.

Перетирая зерна между двумя твердыми камнями, их размалывали в муку. Вначале её употребляли в пищу, смачивая водой, но ещё в глубокой древности человек научился выпекать хлеб.

Наибольшее распространение получили такие зерновые растения, как пшеница, рожь, ячмень и рис. Но североамериканские индейцы обнаружили и другое зерновое растение –маис. Из него также получают очень вкусную и полезную муку.

Что такое фауна?

Всех животных – от самого большого до самого маленького, от слона до колибри –можно назвать одним словом: фауна. В разных районах земного шара различна и фауна. Она во многом определяется флорой и условиями окружающей среды. Например, насекомоядные животные будут хорошо чувствовать себя только там, где достаточно насекомых, которыми они питаются. И если последние исчезнут, вместе с ними вымрут и животные. А на их место придут другие, например плотоядные. Ну а из насекомоядных выживут лишь те, кто сможет приспособиться к новым условиям. Экология как раз и изучает связь между жизнью растений и животных и окружающей средой.

Что такое целлюлоза?

Мягкая часть животных и растений в основном содержит целлюлозу. Именно целлюлоза придает растениям гибкость.

Практически все зеленые растения вырабатывают целлюлозу для своих потребностей. В её состав входят те же элементы, что и в сахар, а именно: углерод, водород и кислород. Эти элементы присутствуют в воздухе и воде. Сахар образуется в листьях и, растворяясь в соке, распространяется по всему растению. Основная часть сахара идёт на содействие росту растений и на восстановительные работы, остальной сахар превращается в целлюлозу. Растение использует её для создания оболочки новых клеток.

Целлюлоза –один из тех естественных продуктов, которые практически невозможно получить искусственно. Но мы используем её в различных областях. Человек получает целлюлозу из растений даже после их отмирания и полного отсутствия в них влаги. Например, дикий хлопок-это один из самых чистых форм натуральной целлюлозы, которую человек использует при изготовлении одежды.

Целлюлоза входит в состав растений, применяемых человеком в качестве продуктов питания, - салата, сельдерея, а также отрубей. Организм

человека не в состоянии переварить целлюлозу, однако она полезна как «грубые корма» в его диете. В желудке некоторых животных, например овец, верблюдов, имеются бактерии, которые позволяют этим животным переварить целлюлозу.

Целлюлоза является ценным сырьем, из которого человек получает различные изделия. Хлопок, на 99,8% состоящий из целлюлозы, представляет собой замечательный пример того, что человек может произвести из целлюлозного волокна. Если хлопок обработать смесью азотной и серной кислоты, мы получим пироксилин – взрывчатое вещество.

После различной химической обработки целлюлозы из нее можно получить и другие изделия. Среди них: основа для фотопленки, добавки для лаков, волокна вискозы для производства тканей, целлофан и другие пластические материалы. Целлюлоза также применяется при изготовлении бумаги.

Как появились бактерии?

Бактерии – это живые организмы, настолько маленькие, что их можно рассмотреть только в микроскоп с увеличением в несколько сот раз. Поэтому их называют «микроорганизмами».

До того, как человек смог увидеть бактерии, ему пришлось столкнуться с результатами их деятельности. Например, когда вино бродит, молоко скисает, а мертвые растения и животные разлагаются. Но об этих явлениях у человека существовали суеверия и религиозные предрассудки. Сегодня мы знаем, что бактерии находятся повсюду – в воздухе, воде, пище, на нашей коже и даже внутри нас. Бактерии размножаются делением. У бактерий не существует мужских и женских особей. Если бы существовали благоприятные условия, и было бы достаточно пищи, бактерии размножились бы непрерывно.

Бактерия состоит из одной клетки, которая больше напоминает клетку растения, чем животного. Её окружает покрытие, или мембрана, не пропускающая воду. Внутри бактерии находится протоплазма, но отсутствует единый центр, или ядро.

Внешняя оболочка играет важную роль, так как любой химический элемент, предназначенный для её уничтожения, должен проникнуть сквозь мембрану. Бактерия покрыта слизистой оболочкой, которая изменяет её форму, образуя иногда волокнистые отростки – флагеллы. Бактерии способны передвигаться, хотя не имеют конечностей. Некоторые передвигаются с помощью движения флагелл, другие – сокращая саму клетку, наподобие червей.

Как мы уже знаем, бактерии являются источниками инфекционных заболеваний. Но некоторые виды бактерий приносят человеку пользу.

Существует ли сейчас семь чудес света?

Людам в древности трудно было поверить, что сооружения, которые они называли «семь чудес света», когда-либо исчезнут. На самом деле все они, за исключением одного, перестали существовать!

Единственным из чудес, дошедшим до наших дней, является пирамида Хеопса в Египте. Построенная около 5000 лет тому назад, она является местом захоронения фараона и его жены.

Вторым чудом света считаются стены Вавилона на месте современного Ирака. Их возвели около 600 года до н.э. по воле знаменитого царя Навуходоносора. Стены высотой 100 м, сделанные из кирпича, сейчас представляют собой груды развалин.

Третьим чудом света признавали статую Зевса в городе Олимпия (Греция), созданную греческим скульптором Фидием. Она представляла собой фигуру высотой 12м, одетую в золотые одежды, тело Зевса было вырезано из слоновой кости, глаза составлены из драгоценных камней. До нас скульптура не дошла.

Четвертое чудо – храм богини Дианы в Эфесе на территории современной Турции. Крышу поддерживали 18-метровые колонны из скального монолита, а внутри храма находились лучшие работы греческих художников. В 262 году н.э. вторгшиеся готы сожгли его.

Пятым из чудес света являлась усыпальница царя Мавзола, умершего в 353 году до н.э., в городе Галикарнас на территории современной Турции. Сооружение было настолько роскошным и обошлось так дорого, что мы сегодня называем богато разукрашенные усыпальницы мавзолеями.

Шестым чудом света был Колосс Родосский, бронзовая статуя бога солнца Гелиоса. Он достигал 32 метров высоты и находился на острове Родос. Землетрясение в 224 году до н. э. разрушило его.

И седьмым, последним чудом света считается маяк в Фаросе. Строительство его началось около 283 года до н. э. на острове Фарос, недалеко от берегов Египта. Считается, что маяк был высотой почти 180 метров, на вершине горел огонь, указывавший дорогу кораблям в порт. Свет маяка нес службу более 1500 лет, пока не был разрушен землетрясением.

Сколько нужно знать слов, чтобы говорить на данном языке?

Маленький человечек начинает издавать звуки сразу же, как начинает воспринимать окружающий его мир. Только взрослые не сразу его понимают, поскольку он ещё не умеет оформить эти звуки в членораздельную речь. Лишь с течением времени произносимые им звуки превратятся в слоги, из них составятся слова, а потом и предложения.

Как только ребёнок начинает ходить, он постоянно спрашивает у взрослых: «А что это такое?», пытаясь соединить зрительное восприятие с обозначением предмета. Так в сознании ребенка конкретный вещественный мир получает свое «имя».

Примерно подобным же образом происходит и освоение иностранного языка. Чтобы начать говорить на данном языке, необходимо знать определенный минимум слов, то их количество, которое позволяет составлять самые распространенные фразы и называть обиходные предметы.

Эти слова образуют так называемый активный словарь, ту часть словарного состава современного языка, которая свободно употребляется в повседневном общении. Сюда относятся не только слова, постоянно употребляемые в языке, но и некоторые специальные слова, также необходимые для полноценного общения.

Активный словарь включает слова, которые используются носителями языка именно в данный временной отрезок. Они не имеют дополнительных значений. Количественно он не очень велик – не более 3000 слов и выражений.

Кроме того, активный словарь предполагает активное воспроизведение речи, выбор нужного слова и правильное его употребление. Поэтому знание лексического значения слова обязательно должно сопровождаться знанием грамматических законов данного языка, правил правильного употребления слов в той или иной языковой ситуации. В русском языке, правил правильного употребления слов в той или иной языковой ситуации. В русском языке это знание падежей существительного, видов глаголов, а в английском – порядка слов в предложении.

И только когда все эти компоненты в сознании говорящего начнут объединяться в единое целое, можно будет говорить о том, что началось языковое общение.

Вот почему мы говорим о том, что владение навыками письма и разговора другого языка начинается тогда, когда есть базовый минимум обиходной лексики, владение основными грамматическими законами и умением конструировать свои мысли.

Много ли слов в русском языке?

Прежде всего мы должны договориться о том, что мы понимаем под словами «русский язык». Если мы будем говорить только о литературном языке, то в самом большом словаре содержится около 200 000 слов, составляющих, по мнению учёных, основной словарный фонд русского литературного языка.

Но если мы будем говорить обо всем русском языке, в который, помимо литературного, входит и живой, разговорный язык, то окажется, что его словарный запас намного больше, поскольку в него входит не менее 200 000 диалектных слов и не менее 100 000 жаргонных, научных и устаревших слов.

Так и окажется, что теперь в нашем распоряжении находится примерно миллион слов и значений. Эта цифра показывает, что за тысячу лет активный словарь русского языка увеличился примерно в 25 раз, то есть каждый год появлялось до 1000 новых слов.

В первом печатном словаре – «Лексисе» Лаврентия Зизания, составленном в 1596 году, всего 1061 слово, а в другом словаре – «Лексиконе», составленном Памвой Берындой в 1627 году, уже около 7000 слов.

Это число казалось современникам невероятным. Но оно лишь отражало, как сильно увеличивался словарный запас русского человека с течением времени.

Кто такой Ломоносов?

Имя Михаила Васильевича Ломоносова известно каждому в России.

Кто-то, может быть, даже и не знает, какие открытия он сделал и что написал, но то, что Ломоносов – выдающийся русский учёный, знают все.

Родился Михаил Ломоносов 8 ноября (по старому стилю) 1711 года в семье крестьянина Архангельской губернии Василия Дорофеевича Ломоносова и его жены Елены Ивановны (в девичестве Сивковой). Когда подрос, стал вместе с отцом заниматься рыбацким промыслом. Грамоте начал учиться поздно, только в 11 лет, а уже через восемь лет Михаил Ломоносов вместе с обозом, на котором несли рыбу, уходит в Москву и сразу же поступает в Славяно-греко-латинскую академию.

Через пять лет Михаила Ломоносова в числе лучших двадцати учеников отправляют в Петербургскую Академию для продолжения учебы, но не прошло и месяца, как его в числе уже трёх лучших учеников посылают в Германию для изучения горного дела и химии.

Очень скоро Михаил Васильевич Ломоносов становится крупнейшим учёным. Он занимается химией и физикой, астрономией и горным делом, историей и литературой. Открывает всеобщий закон природы, который назвал законом сохранения материи и движения. С помощью телескопа, который сам и построил, Михаил Васильевич обнаруживает, что планета Венера так же, как и Земля, окружена атмосферой.

Трудно поверить, что один человек мог сделать столько открытий, причём в разных областях знаний, сколько их сделал Ломоносов. Он добивался того, чтобы все его научные идеи применялись на практике и служили на благо России.

Занимался Ломоносов и географией. Когда он руководил комиссией по созданию «Российского атласа», то не только организовал географические экспедиции во многие российские отдаленные губернии, но ещё составил и разослал анкеты из 30 вопросов о полезных ископаемых, о том, сколько населения проживает в той или иной местности, какой они национальности и чем занимаются и т.д. Уже два века назад он проводил свои исследования так, как это делают современные ученые.

Такие примеры можно продолжать бесконечно. Михаил Васильевич Ломоносов серьезно изучал российскую историю и ораторское искусство. Составлял рецепты изготовления разноцветного стекла, из которого потом

делал удивительные мозаичные картины. Например, изображение Полтавской битвы на портрете Петра I.

До Ломоносова все книги в России писали только на церковнославянском языке. Он написал первую «Российскую грамматику» и свои собственные стихи и оды писал только на русском языке.

По проекту М.В.Ломоносова в 1755 году открывается Московский университет, который сейчас носит его имя.

Кто классик новейшей мировой литературы?

Лучшие произведения Чингиза Айтматова (1928-2008) давно стали неотъемлемой частью классики новейшей мировой литературы. Его книги различаются как по стилю, так и по жанрам, но схожи они в одном – среди них не найти произведения неискреннего, каждое хочется с течением времени перечитать, и чтение это никогда не разочаровывает.

Чингиз Айтматов – народный писатель Кыргызстана, писал на кыргызском и русском языках. В повестях «Джамиля», «Прощай Гульсары», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», в романах «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры», - автор поднимает острые этические и социальные проблемы современности и преподносит их читателю мастерски.

Книги Айтматова вызывают истинное наслаждение, присущее высокому искусству. Так бывает, когда в основе произведений – любовь к человеку, к правде. Его великий дар художника слова оказывало несомненное влияние на мировой литературный процесс.

Кто написал первую энциклопедию?

Чтобы получить необходимую вам информацию, вы часто прибегаете к помощи энциклопедии. Это значит, что вы ожидаете увидеть там информацию по всем важным темам. Слово «энциклопедия» появилось в Греции и означало «инструкции на все случаи жизни». Впервые это слово ввел в английский язык сэр Томас Элиот в 1538 году и расшифровал его как «книга, объясняющая все известные науки и предметы».

Сегодня слова расположены в энциклопедиях в алфавитном порядке, так что в них легко найти нужное слово. Но авторы древних энциклопедий располагали в них слова, как им было угодно. Например, автор одной из средневековых энциклопедий начал книгу с повествования о Боге и ангелах, а закончил описанием духов и запахов, цветов и списком 36 видов яиц.

Самая древняя дошедшая до нас энциклопедия была написана в I веке до н.э. в Риме Плинием. Она называлась «Естественная история». 37 томов книги содержали более чем 20 000 статей. Плиний использовал цитаты более чем из 450 авторов. Эту книгу считали настолько ценной, что к 1536 году ее переиздавали 43 раза!

Самой большой была третья китайская энциклопедия. Один из китайских императоров, который умер в 1721 году, повелел составить эту книгу. Она содержала 5020 томов!

Первую энциклопедию, где слова располагались в алфавитном порядке, составил английский священник Джон Харрис. Она вышла в свет в 1704 году и называлась «Универсальный Английский Словарь Науки и Искусств».

Во Франции с 1743 года начала выходить ещё одна энциклопедия – «Энциклопеди». Над статьями работали многие известные деятели науки, включая Вольтера, Руссо, Дидро, и это отличало ее от других книг.

«Энциклопедия Британика, или Словарь Искусств и Науки» впервые был напечатан в Шотландии в 1768 году. С 1911 года его выпускают и в Соединенных Штатах.

Как появились словари?

Что такое словарь, сегодня известно каждому. Это книга, в которой приведены слова с объяснением их значения, обычно в алфавитном порядке. Там же может быть информация о произношении, истории слова или особенностях его употребления.

Достаточно странно, но прошли столетия, прежде чем возникла идея создания такой книги. Впервые, когда было употреблено слово «словарь», оно использовалось в его латинской форме, что означает «собрание слов». Это произошло около 1225 года. Это было название книги, содержавшей латинские слова для запоминания. Эта книга использовалась только в классе при изучении латинского языка.

В XV веке английские слова начали появляться в словарях, но они использовались только как подспорье при изучении латыни. В одном из них появилось около 12 тысяч английских слов, каждое с латинским эквивалентом.

То, что принято считать первым настоящим английским словарем, вышло в свет в 1552 году. Книга все ещё имела латинское название, и изучение латыни было одной из основных ее целей. Но она оказалась полезной и тем, кто хотел научиться читать по-английски. Что же заставляет считать именно эту книгу первым английским словарем? Наконец английское слово было объяснено по-английски, и только потом шла латинская транскрипция.

Этот словарь был составлен Ричардом Хьюлетом, и он обладал чувством юмора. Вот, например, выдержки из его первого словаря «Черные (или синие) пятна на лице или теле, полученные от удара, - синяки; например, женщина, имея синяк под глазом, говорит что упала на кулак своего великолепного мужа».

Постепенно количество подобных книг стало возрастать. Многие из них содержали только несколько тысяч слов, специально отобранных автором для какой-то определенной цели.

В одном словаре, например, слова размещались не по порядку, а по написанию или произношению конечных слогов. Это было сделано для того, чтобы помочь поэтам. Это был словарь рифм.

Составители ранних словарей не делали попыток включить в словарь все слова. Их целью было объяснить значение только трудных слов. Это было началом создания современных словарей, некоторые из них включают все слова английского языка.

Кто такой В.И. Даль?

Владимир Иванович Даль (1801-1872) (тысяча восемьсот первый – тысяча восемьсот семьдесят второй) был образованным и трудолюбивым человеком. Он закончил Петербургский морской корпус, а затем – Дерптский университет, получив диплом врача.

Однако основным делом его жизни стала литературная деятельность. Он вошел в историю мировой культуры как составитель «Словаря живого великорусского языка». Хотя Даль не был филологом по образованию, выход в свет этого словаря в 1863-1866 (тысяча восемьсот шестьдесят третьем – тысяча восемьсот шестьдесят шестом) годах стал событием в истории русской науки.

Словарь Даля, как его стали сокращенно называть уже современники, впервые отразил богатство и красоту разговорного народного языка. Из 200 000 (двухсот тысяч) слов, которые вошли в словарь, около 80 000 (восемьдесят тысяч) были зафиксированы впервые.

Каждому слову Даль давал объяснение и иллюстрировал его употребление пословицами или поговорками. Подобный подход обусловил появление ещё одного издания – «Пословицы русского языка», получившего большую известность и распространение.

Кроме того, Даль создал множество литературных произведений: сказок, рассказов, очерков и повестей. Полное собрание сочинений Даля составляет 10 (десять) объёмных томов. Его произведения написаны таким живым и увлекательным языком, что их читают в любом возрасте.

Деятельность Даля по созданию словаря при его жизни получила общественное признание: он был удостоен Ломоносовской премии и большой Золотой медали Российского географического общества. В 1868 году Даль был избран почётным академиком Петербургской Академии наук.

Как зарождался цирк?

Человек всегда любил, когда его развлекали. С зарождения цивилизации были жонглеры, акробаты, дрессировщики и клоуны, которые веселили людей. В Древней Греции существовали гонки колесниц, в Китае – «человек-змея», в Египте – дрессировщики диких животных.

Но только в Риме появилась идея объединения подобных действий и других представлений в цирке. Первоначально слово «цирк», происшедшее от латинского, имело большее отношение к гонкам, чем к любого вида

представлениям. Поэтому цирк начинался с гонок, а сооружение, построенное римлянами для них, называлось «цирком». Цирк «Максимус» был первым и самым большим для тех времен. Он появился в III столетии до нашей эры и был потом расширен: в нем могло сидеть 150 000 человек.

Когда римляне приходили в цирк, они попадали как будто на волшебную площадку, совсем как в наши дни. Там торговали кондитерскими изделиями, вином и другими товарами. Вход был бесплатный, потому что правительство пользовалось цирками, чтобы удовлетворить народ, отвлечь его.

В Риме существовали различные виды развлечений, которые как составные части вошли впоследствии в цирковое искусство. В некоторых театрах были жонглеры, акробаты, канатоходцы и дрессировщики. В некоторых выступали даже боксирующие медведи. Во время гонок стали устраиваться представления, такие, как управление двумя бегущими лошадьми одновременно, перепрыгивание с одной бегущей лошади на другую, сооружение пирамиды на скачущей лошади, т.е. те виды трюков, которые мы можем видеть и в современном цирке.

В средние века не существовало организованных цирков как таковых. Бродила труппа артистов, показывала различные трюки. Первый цирк, как нам сейчас известно, был создан англичанином Филиппом Эстли в 1768 году. Он построил в Лондоне здание с большим количеством мест и ареной. Там показывались скачки на лошадях, выступали акробаты, клоуны, канатоходцы. За ним этой идеей увлеклись многие, и цирки стали популярным зрелищем по всему миру.

Что такое НЛО?

Их обычное название – «летающие тарелки». НтающихЛО значит «неопознанный летающий объект».

Существуют ли они в действительности? О них написано много книг, и тысячи людей говорят, что видели их, некоторые даже утверждают, что сфотографировали их. И несмотря на то, что показывают научные исследования, всегда будут люди, верящие в НЛО.

Изучение сообщений о летающих тарелках показывает, что НЛО очень отличаются друг от друга. Некоторые люди сообщали, что видели тарелки плоской формы, другие видят тарелки в форме сфер, сигар или пончиков. Похоже, цвет тарелок так же разнообразен, как и их форма. Поступали сообщения о тарелках почти всех цветов. Некоторые даже изменяли свой цвет, пока за ними наблюдали. Люди видели, что тарелки двигались с разной скоростью и во всех направлениях – под углом, вертикально вверх и вниз или зигзагом. Они могут неподвижно висеть в воздухе, издавать свистящий звук или рев.

Когда Военно-Воздушные Силы США стали изучать доклады о летающих тарелках, они обнаруживали, что люди ничего не придумывали. Все, кто сообщал о летающих тарелках, действительно что-то видели. Но

что? В некоторых случаях «что-то» оказывалось зондом. В других случаях это был спутник, облако, комета, метеорит, звезда, птица, планета или фейерверк. Среди видений были также и отражения солнца в кристаллах льда. Многие представления о летающих тарелках были вызваны шаровыми молниями.

Если бы тарелки были действительно космическими кораблями, во всех рассказах о них было бы что-то общее. Но этого нет. И причина в том, что люди видят не космические корабли, а другие объекты. Поэтому ученые полагают, что нет свидетельств того, что нас посещают, что за нами наблюдают или к нам вторгаются мыслящие существа из других миров.

Что такое Гринвичский меридиан?

Меридиан – это воображаемая линия сечения поверхности Земли плоскостью, проведенной через какую – либо точку земного шара и ось вращения Земли. Если на поверхность планеты нанести линии меридианов, то она станет напоминать разделенный на дольки апельсин. По меридиану определяют географическую долготу.

Итак, меридианы проходят через полюса и разделяют земной шар на 360 частей – «долек». Каждая из них соответствует одному градусу долготы. Исходной точкой отсчета географической долготы считается нулевой градус – так называемый начальный (гринвичский) меридиан. При пересечении меридиана 180-го градуса происходит смена дат. Это естественно, потому что 180-й градус – это как раз половина оборота Земли вокруг своей оси, а значит, разница между ним и гринвичским меридианом составляет 12 часов. Когда на нулевом меридиане часы показывают полдень, на сто восьмидесятом – полночь. К востоку от нулевого градуса долгота называется восточной, к западу – западной. Париж находится на 2-м градусе восточной долготы.

Как возникла наука?

С чем у вас ассоциируется слово «ученый»? Видимо, это тот, кто изучает мир или человека, строит обсерватории и проводит эксперименты и кто затем формирует определенные принципы и правила.

Но до XVII века, если люди хотели решить какую-нибудь проблему или понять что-то, они просто читали все, что было об этом написано или спрашивали мнение властей.

Вскоре после 1600 года Галилео Галилей основал новый метод. Он начал испытывать вещи и наблюдать, что с ними происходит. Другими словами, он проводил эксперименты. Постепенно все больше и больше людей стали испытывать вещи и записывать полученные результаты. Чем больше фактов становилось известно, тем чаще приходили к выводам, что некоторые из них взаимосвязаны. Эти взаимосвязи были объединены в научные принципы и использованы как руководство для других экспериментов.

Таким образом, стали быстро распространяться основы знаний, названные наукой. Наличие большого количества естественных взаимосвязей между отдельными фактами явилось причиной того, что наука разделилась на отдельные направления (отрасли). Сегодня существует много различных отраслей науки. Естественные науки изучают окружающие нас предметы и явления. Объект изучения общественных наук – жизнь и деятельность человека. Эти науки являются базовыми, или чистыми. Они изучают факты и устанавливают общие принципы. Прикладные науки используют эти факты и принципы в различных сферах деятельности человека. Примерами прикладных наук являются фармацевтика, медицина, лесоводство, строительная инженерия и многое другое.

Что такое Нобелевская премия?

Ежегодно, когда вручаются Нобелевские премии, вокруг имен лауреатов возникает много шума. У них берут интервью, о них пишут статьи. Так происходит потому, что Нобелевская премия рассматривается большинством людей как высшая награда, присуждаемая за заслуги в определенной сфере деятельности, такой, как химия, физика, медицина и литература. Существует также Нобелевская премия мира, присуждаемая за усилия по укреплению мира.

Примечательно, что эта премия была учреждена человеком, который многое сделал для науки разрушения! Альфред Нобель родился в Стокгольме, годы его жизни: 1833 – 1896. Среди открытий, которые он сделал и запатентовал, были динамит и новый вид детонатора для взрывов.

Может быть, создав столько разрушительного, Нобель почувствовал потребность сделать что-то благородное для мира. Он был увлечен идеей мира, у него был план, который, как он считал, может предотвратить войну. Между прочим, кроме того, что Нобель был блестящим ученым, он писал стихи. Он думал, что литература и наука – наиболее важные факторы человеческого прогресса.

После смерти Нобель оставил фонд в 9000 000 долларов. Деньги предназначались для награждения людей, внесших выдающийся вклад, в химию, физику, медицину, литературу и укрепление мира. Премия впервые была вручена 10 декабря 1901 года, в годовщину смерти Нобеля.

Так как Нобель был шведом, премии присуждает Нобелевский фонд Швеции. Вот организации, избранные для определения победителей в области: физики и химии – Шведская Академия наук; медицины – Каролинский институт Швеции; литературы – Шведская Академия; укрепления мира – комитет из пяти человек, избранный норвежским парламентом. В 1969 году была установлена премия за успехи в области экономики.

Чем физика отличается от химии?

Химия изучает состав и взаимодействия различных веществ. Физика рассматривает различные процессы, которые происходят в телах, состоящих из этих веществ. Например, при таянии снега образуется вода, которая при нагревании превращается в пар. Этот физический процесс не рассматривается химиками, потому что с водой при этом никаких изменений не происходит., меняется только ее агрегатное состояние.

Химики изучают не только строение отдельных веществ, но и взаимодействие элементов, из которых эти вещества состоят. Благодаря этому они сумели получить много материалов, которых нет в природе.

В прошлом химия считалась чем-то вроде колдовства и подобным же образом преследовались те, кто ею занимался. Возможно, это было вызвано тем, что первые химики чаще всего занимались поисками философского камня, с помощью которого любое вещество можно было превратить в золото.

Хотя философский камень и не был найден, его поиски привели к большому числу важных открытий свойств веществ.

Отцом химии называют французского ученого Антуана Лавуазье. Он открыл, что ни один элемент в природе не может исчезнуть бесследно. Даже когда какое-нибудь вещество исчезает у нас на глазах, с точки зрения химика это означает, что оно разлагается на такие составные части, которые мы не можем увидеть. Например, при сгорании деревянных дров содержащийся в них углерод превращается в углекислый газ и улетает вместе с дымом.

Если же произвести опыт в тщательно закупоренной пробирке, то окажется, что масса всех продуктов горения точно соответствует массе сгоревшего топлива.

Что такое элементы?

Вся материя состоит из элементов. Элементы – это вещества, состоящие из атомов только одного только одного вида.

Многие элементы имеют сходство друг с другом, иногда даже весьма значительное, однако среди них нет двух абсолютно одинаковых. Например, водород и гелий оба являются газами без цвета, запаха и вкуса. Однако водород легче, чем гелий. Он горит в присутствии кислорода, а гелий – нет.

Элементы отличаются друг от друга атомным весом. Одни из них в обычных условиях являются твердыми веществами, другие – жидкостями, третьи – газами. При нагревании или охлаждении многие из них (почти все) могут переходить из одного состояния в другое. Некоторые элементы растворяются в воде, другие – нет. Эти и многие другие характеристики элементов называются их физическими свойствами.

Элементы могут взаимодействовать друг с другом (за единичными исключениями), образуя различные вещества. Подобные взаимодействия называются химическими реакциями. Способность элемента вступать в ту или иную реакцию определяется его химическими свойствами.

В соответствии со своими физическими и химическими свойствами все элементы разделены на несколько групп. В них входят элементы с похожими свойствами.

Эти группы все вместе составляют периодическую таблицу элементов Д.И.Менделеева. Она названа так в честь русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева, которому принадлежит идея создания этой таблицы. Порядок расположения элементов в таблице Д.И.Менделеева определяется их порядковым атомным номером. Порядковый номер элемента зависит от числа протонов – положительно заряженных частиц – в ядре атома данного элемента. Атом водорода содержит всего один протон и поэтому занимает в периодической таблице первое место.

Некоторые элементы были названы в честь великих ученых, например, эйнштейний (Эйнштейн). Другие – в честь стран или определенных областей на земном шаре: германий (Германия), рутений (Россия), калифорний (Калифорния), скандий (Скандинавия). Третьи получили название благодаря своим особым свойствам: индий (из-за его ярко-синего цвета – цвета индиго). Множество элементов хорошо знакомы каждому: медь, железо, свинец, серебро, золото, алюминий, сера, ртуть, йод и многие другие.

Если молекулы движутся, то почему мы не видим, что вещи изменяются?

Если молекулы постоянно движутся со страшными скоростями и это происходит повсюду – даже в деревяшке – то почему мы не видим, чтобы вещи меняли форму? Молекула – наименьшая из существующих частиц вещества, которая сохраняет свойства целого. Например, молекула сахара (сукроза) – наименьшая частица сахара, которая тем не менее сохраняет в себе такие свойства сахара, как вкус, цвет, форма, растворимость и другие.

Молекулы различных веществ сильно отличаются друг от друга. Некоторые из них имеют длину лишь в несколько миллиардных долей миллиметра, а другие – в тысячи раз больше.

Но даже несмотря на то, что в веществе содержится огромное количество молекул, между ними остается много незанятого пространства. Поскольку молекулы всегда находятся в движении, они передвигаются в абсолютном вакууме. Между молекулами воздуха нет, есть только вакуум, и между молекулами железа нет воздуха, только вакуум.

Движение молекул вызывается теплом. Чем выше температура, тем интенсивнее движение. В горячих газах это движение очень интенсивно. В жидкости или в твердом веществе оно гораздо медленней, но движение есть даже в куске льда!

Есть молекулы в веществе постоянно сталкиваются друг с другом и выталкивают друг друга в разные стороны во всех направлениях, то почему мы не видим результатов этого движения? Почему он кажется таким твердым? Причина этого в том, что в твердых телах или в жидкостях

молекулы удерживаются на своих местах силами притяжения между молекулами. В противном случае вещество было бы разорвано на части. Силы электричества, взаимодерживающие молекулы, достаточно велики, чтобы поддерживать даже самые твердые материалы в неизменном состоянии.

Но если очень сильно нагреть вещество, то движение молекул ускорится, и это вещество станет жидкостью. Если увеличить температуру ещё больше, то молекулы смогут преодолеть силы электричества, разлетятся в разные стороны, и вещество перейдет в газообразное состояние.

Что такое полимеры?

Ты, конечно, видел различные изделия из пластмассы. Созданные человеком разноцветные материалы так широко вошли в нашу жизнь, что теперь нам очень трудно представить, как бы мы могли обходиться без полимеров.

Первый шаг к созданию полимеров был создан ещё в конце прошлого века, когда профессор Петербургского университета Н.Н.Зинин открыл, что молекулы некоторых веществ могут образовывать длинные цепочки. Это явление, которое Зинин назвал полимеризацией, позволило создать совершенно удивительные вещества. Сырьем для них стала вода, уголь и азот, содержащийся в воздухе.

Пластмассы очень легко подвергаются различной обработке, в результате которой они приобретают те свойства, которые необходимы человеку. Вот почему так трудно отличить шину из искусственной резины от настоящей резиновой.

Свойства пластмассы оказались просто удивительными. Так, химикам удалось создать такие полимеры, прочность которых превышает прочность стали, хотя весят они раза в четыре меньше нее. Кроме того, пластмассовые изделия не подвержены ржавчине и практически не изнашиваются. В настоящее время пластмассовые трубы постепенно приходят на смену металлическим.

Какие открытия в области пластмассы сделают химики – покажет будущее. Возможности этих удивительных материалов ещё до конца неизвестны даже ученым.

Кто открыл атомы?

Мысль об атоме как самой маленькой частичке любого вещества зародилась у древних греков. Сегодня нам известно, что атом – это не самая маленькая частичка, что существуют частицы и меньше, которые находятся внутри самого атома. Нам также известно, что мы знаем далеко не все о строении атома.

Первым, кто начал развивать научную теорию атома, был Джон Дальтон, английский химик, живший в начале XXI века. Он обнаружил, что газы, так же как твердые вещества и жидкости, состоят из невероятно

крохотных частичек. Эти частички он, как и древние греки, назвал атомами. Он определил относительные веса атомов тех элементов, которые были ему знакомы.

В конце XIX века Эрнест Резерфорд развил теорию атома, считая, что он по структуре аналогичен Солнечной системе. Он предположил, что в центре атома находится ядро, оно тяжелое и несёт в себе положительный электрический заряд. А вокруг него находятся отрицательно заряженные электроны. Электроны движутся вокруг ядра подобно тому, как движутся планеты вокруг Солнца.

Позже Нильс Бор создал новую атомную теорию. Он доказал, что электроны могут двигаться только по определенным орбитам, называемым энергетическими уровнями. Когда электрон перемещается с одного уровня на другой, он изменяет свою энергию.

Но человеческие знания о структуре атома постоянно изменяются, так как новые эксперименты дают новую информацию.

Какой величины атом?

Давай начнём с того, что наши знания об атоме сегодня могут завтра измениться. С появлением синхрофазотронов ученые постоянно получают все больше информации об атоме.

Интересно, что слово «атом» в греческом языке означало «неделимый». Древние греки считали атом мельчайшей составной частью любой материи.

Сегодня открыто более 20 различных частиц, составляющих атом! Как считают ученые, атом состоит из электронов, протонов, нейтронов, позитронов, нейтрино, мезонов и гиперонов. Электроны – это отрицательно заряженные частицы. Протон, который примерно в 1836 раз тяжелее электрона, заряжен положительно. Более тяжелая частица, нейтрон, нейтрален. Позитрон, примерно равный электрону, также заряжен положительно. Нейтрино примерно в две тысячи раз меньше электрона и не имеет заряда. Мезоны могут быть заряжены положительно или отрицательно. Гипероны больше протонов.

Каким образом все эти частицы, или заряды, располагаются все вместе, до сих пор неизвестно. Из таких атомов состоят различные химические элементы. Некоторые различаются весом, поэтому химические элементы объединяют по атомному весу. Например, водород имеет номер 1 в такой таблице, а железо – номер 55. Это значит, что атом железа в 55 раз тяжелее атома водорода.

Однако их вес чрезвычайно мал. Один атом водорода весит всего одну миллион – миллион – миллионную долю грамма. Чтобы представить, насколько малы атомы, подумай, сколько содержится атомов в одном грамме водорода – это цифра «шесть» с 23 нулями.

Что такое энергия?

Ты читал, наверное, в газетах, что самой главной задачей ученых является получение атомной энергии, которая служила бы человеку в мирных целях. То, что этого уже достигли, является величайшим достижением человеческого разума.

Альберт Эйнштейн выдвинул теорию о взаимосвязи материи и энергии. Другими словами, он доказал, что материя может превращаться в энергию. Это изменило наше восприятие окружающего мира. Материя оказалась вторичной: самым важным фактором в мире оказалась энергия.

Что же такое энергия? Энергия – это способность выполнять работу. Это то, что стоит за понятием силы, что дает возможность существовать силам. Для того чтобы понять это, рассмотрим в качестве примера автомобиль.

Для того чтобы привести в движение двигатель, необходимо применить силу. Её надо откуда-то получить. Из энергии. А откуда берется энергия? Ее получают из бензина, во время его сгорания в цилиндрах. Эта энергия приводит в действие определенные силы, которые сообщают движение механизмам автомобиля. В результате – двигатель работает, и это стало возможным благодаря энергии.

Существует два вида энергии – потенциальная и кинетическая. В начале рассмотрим потенциальную. В бензине электрические силы притягивают молекулы друг к другу. Энергия хранится в этих молекулах – это потенциальная энергия. При сжигании бензина эта потенциальная энергия высвобождается.

Другим примером потенциальной энергии может служить подвешенный груз. Энергия хранится в данном грузе, мы можем её высвободить, когда груз начинает падать вниз. Вода на краю водопада или у гребня плотины также обладает потенциальной энергией.

Теперь отпустим груз или проследим за водой, падающей в водопаде. Они падают с определенной скоростью, совершая работу, эта энергия называется «кинетической энергией». Эта энергия, получаемая движущимся с определенной скоростью телом. Падающее тело теряет потенциальную энергию и приобретает кинетическую энергию. Величина двух видов энергии равнозначна. В действительности общий объём энергии во Вселенной всегда остается неизменным. Мы не можем уничтожить или создать заново энергию. При выработке энергии мы используем энергию падающей воды, угля, атома, превращая один вид энергии в другой.

Как образовался уголь?

Уголь образовывался в различные периоды развития Земли. Самым длительным периодом, когда образовывался уголь, считается Пенсильванский период, который начался примерно 250 000 000 лет назад и продолжался около 35 000 000 лет. Остальная часть угля сформировалась в период от одного до ста миллионов лет назад.

Что происходило в то время и как образовался уголь? Уголь располагается в земной коре в виде пластов длиной до нескольких километров и толщиной до трех метров между скальными породами. Уголь представляет собой остатки древнейших деревьев и растений, которые росли в болотистых джунглях в теплом влажном климате сотни миллионов лет назад.

В таких болотах преобладали быстрорастущие тростники и папоротники гигантских размеров. Со временем они отмирали и падали в болото. Это спасало их от гниения. Бактерии перерабатывали некоторые части деревьев, превращая их в газ, который улетучивался. Оставалась черная масса, состоящая в основном из углерода. В дальнейшем она превращалась в пласт угля.

Буйная растительность постепенно наращивала этот пласт до толщины в несколько метров. В конце концов, этот процесс останавливался, когда данный участок покрывался водой. В результате пласты угля покрывались слоями донных отложений и песка.

Со временем давление верхних слоев вытесняло жидкость, оставляя пастообразную массу, которая, медленно застывая, превращалась в уголь. В некоторых местах этот процесс повторялся несколько раз. Образовавшийся слой осадков покрывался водой, на этом месте заново образовывалось болото. Опять появлялся слой растительности, и снова он затоплялся. Таким образом создавались слои угля, разделенные между собой илом и песком, со временем затвердевшими.

Для превращения дерева в уголь требуются много тысячи лет. Легко видеть подтверждение того, что уголь произошел от дерева. Изредка в угле находят хорошо сохранившиеся отпечатки папоротника, коры деревьев, а также окаменелые куски стволов и пни.

Что такое нефть?

Нефть приносит огромную пользу человечеству. С её помощью мы получаем свет, тепло, она приводит в движение автомобили, трактора, самолеты и корабли. Без нее все двигатели остановятся из-за трения.

Из нефти получают технический спирт, парафин, топливо, смазочные масла, технический жир, смолы, асфальт и другие продукты. Что такое нефть? Это слово пришло из латинского языка, и означает «каменное масло». Как она появилась? Ученые считают, что она образовалась из растений и животных, живших много лет назад в теплых водах океанов, покрывавших земную поверхность.

Отмирая, животные и растения скапливались на дне. Со временем их укрыли миллионы тонн песка и ила. Под давлением ил и песок превратились в твердые породы. Остатки растений и животных превратились в темную жидкость, собранную в порах породы. Перемещение земной коры превратили часть морского дна в сушу. Некоторое количество этой жидкости появилось на земной поверхности, где её обнаружил человек.

Нефть используется человеком многие тысячи лет. В древности китайцы и египтяне использовали ее в качестве лекарства. Задолго до нашей эры в Древней Индии нефть использовали для освещения и в качестве топлива.

В древности нефть использовалась для факелов, добавлялась при изготовлении кирпича, ею обмазывали корзины и корабельные днища, чтобы они не пропускали воду. Американские индейцы также использовали нефть для различных целей. Когда в Америку прибыли первые белые поселенцы, они переняли у индейцев способы использования «каменного масла» при лечении некоторых заболеваний.

Нефть, добываемая из скважин, практически нигде не используется. Её необходимо переработать. Этот процесс основан на том, что в состав нефти входят твердые, жидкие и газообразные вещества.

При нагревании происходит разделение нефти на составляющие ее компоненты, которые были соединены природой воедино. Это стало возможным благодаря тому, что каждый компонент нефти кипит и испаряется при различной температуре. Вначале выделяется бензин, затем парафин, газ, масла и смазочные материалы.

Кто придумал слово «газ»?

Слово «газ» принадлежит к числу слов, придуманных учеными наряду с такими словами, как «термометр», «электричество», «телефон», «атмосфера». Из всех придуманных слов «газ» - безусловно самое короткое. Голландский химик и врач Гельмонт, живший в XVI веке, произвел «газ» от греческого слова «хаос». Открыв, что воздух состоит из двух частей, из которых одна поддерживает горение и сгорает, остальная же часть не обладает этими свойствами, Гельмонт считал, что «газ» почти не отличается от «хаоса» древних (первоначальный смысл слова «хаос» - сияющее пространство).

Однако новое слово долго после этого не употреблялось и было возрождено лишь знаменитым Лавуазье в 1789 году. Оно получило широкое распространение, когда всюду заговорили о полетах братьев Монгольфье на первых воздушных шарах.

Откуда произошёл природный газ?

Газ образовался в то же самое время, что и нефть.

Когда осадочные породы сдавили останки животных, они превратились в нефть и газ, поместившись в пространстве между слоями осадочных пород. Слои, содержащие газ и нефть, были стиснуты отложениями песка и горных пород.

С течением времени нефть, которая была тяжелее, переместилась вниз, а газ скопился над ней. Вот почему при бурении сначала находят газ, а потом нефть.

Сначала люди не догадывались о полезных свойствах газа. При добыче нефти его просто выпускали или сжигали.

Но сегодня, при постоянных нефтяных кризисах, добыча природного газа приобрела особое значение. Поэтому добывают как нефть, так и газ.

В 1951 году во Франции было открыто огромное месторождение природного газа. В нем содержалось 200 миллионов кубических метров газа.

Сырой газ извлекался примерно из 30 буровых вышек. При очистке газа из него получают топливо, бутан, пропан и серу (получаемая сера полностью покрывает нужды Франции в этом продукте).

Чистый газ расходился по всей Франции по сети трубопроводов.

Огромные месторождения природного газа обнаружены и в Западной Сибири. Оттуда газ перекачивают по многочисленным трубопроводам.

Многие промышленные отрасли используют газ в качестве сырья.

Какие существуют газы?

Материя существует в разных формах. Когда она напоминает воздух, это газ.

Газ состоит из крохотных частичек, которые свободно движутся. Они стремятся распространиться в пространстве, насколько это возможно. Поэтому газ не имеет определенной формы. Он принимает форму сосуда, в котором находится, распространяясь и занимая весь объем сосуда.

Когда газ находится в каком-нибудь контейнере, его движущиеся частички ударяются о стенки и отскакивают. Триллионы и триллионы частичек постоянно отталкиваются от стенок. При ударе каждая частичка производит толчок. Все вместе они создают этими толчками давление.

Если контейнер сделать меньше, он будет иметь меньший объем, частички газа будут сдавлены больше. Им будет предоставлено меньшее пространство для движения. Они ударяются о стенки чаще. Поэтому, если объем уменьшается, давление газа увеличивается.

Если газ нагреть, его частички движутся быстрее и давление увеличивается. Если температура понижается, частички движутся менее быстро. Если температура достаточно низкая, притяжение частичек друг к другу заставляет их объединяться и оставаться в таком состоянии. Газ перестает быть газом. Он снижается и становится жидкостью. Существует много различных газов. Самый распространенный газ – это воздух. В действительности это смесь газов, главные из них – кислород и азот. Другие распространенные газы – азот, углекислый газ (который мы выдыхаем), углерод, выхлопные газы (в большом количестве выделяемые автомобилями), гелий, водород и метан.

Что такое гелий?

Открытие гелия похоже на научный детектив!

В 1868 году английский ученый сэр Норманн Локиер с помощью прибора «спектроскопа» изучал Солнце. Этот прибор позволяет выявлять

наличие отдельных элементов, так как каждому химическому элементу соответствует определенная линия спектра.

В спектре появилась неизвестная линия, и она могла соответствовать только новому элементу, неизвестному до сих пор на Земле! Новый элемент назвали «гелий» - от греческого слова «Гелиос», что значит Солнце.

Затем ученые принялись искать этот элемент на

Что такое фосфор?

Фосфор – химический элемент, существующий в природе, в смеси с другими веществами в форме фосфатов. Фосфор добывают из различных горных пород. Это светящееся вещество бледно-желтого цвета, особенно заметно оно в темноте. Белый фосфор является сильным ядом, его хранят в воде во избежание возгорания.

При горении в пустоте, без доступа воздуха, белый фосфор превращается в красный, который совершенно безопасен и может храниться на открытом месте. Красный фосфор используют для производства спичек. При сгорании белого и красного фосфора образуются кислоты, которые широко используют в промышленности, например для производства удобрений, красок.

Что такое хром?

Хром – это металл. Он твердый и ломкий и очень устойчив к коррозии. Он серебристо-белый, а после полировки приобретает блеск. Он плохо проводит электричество и тепло.

Хром нельзя обнаружить в природе в виде металла. Он содержится в нескольких минералах, большинство их ярко окрашены, но хром выделяют лишь из одного минерала. Это тяжелый черный минерал, называемый хромитом. Самые большие месторождения этого минерала обнаружены в Южной Африке, в России, на Филиппинах и в Зимбабве.

Многие из нас знают хром только потому, что он используется как блестящее покрытие на автомобильных бамперах и других металлических предметах. Но в действительности самое важное использование хрома – это стальные сплавы. При добавлении небольшого количества хрома сталь становится крепче, тверже и более устойчивой к коррозии.

Хром – важная часть нержавеющей стали, так как нержавеющая сталь широко используется там, где необходима устойчивость против коррозии. Например, нержавеющая сталь с хромом используется для изготовления ножей, вилок, ложек, кастрюль, кухонных раковин, прилавков, инструментов, молочного оборудования и даже хирургических инструментов.

Хром используется для нанесения блестящего покрытия на металлические предметы. Это покрытие получается в процессе, называемом гальванопокрытием. Хромированное покрытие вначале использовалось для украшения и защиты часов, ювелирных изделий и домашней утвари.

Изготовители машин начали делать его на бамперах и во внутренней отделке примерно с 1925 года. В наши дни хромирование используется прежде всего в автомобильной промышленности.

Части машин, которые сильнее всего изнашиваются и подвергаются трению, такие, как передаточные механизмы и поддерживающие поверхности, часто покрывают хромом. Такие покрытые хромом движущиеся части могут работать без смазки маслом.

Хромовые соли используются для дубления кожи и окрашивания ткани. Многие ярко окрашенные составные части хрома используются в красках. Итак, вы видите, что хром – один из самых полезных для человека металлов.

Почему ржавеет железо?

Если оставить какой-то железный предмет в сыром и влажном месте на несколько дней, он покроется ржавчиной, как если бы его покрасили красноватой краской.

Что такое ржавчина? Почему она образуется на железных и стальных предметах? Ржавчина – это окись железа. Она образуется в результате «сгорания» железа при соединении с кислородом, растворенным в воде.

Это значит, что при отсутствии в воздухе влаги и воды вообще отсутствует растворенный в воде кислород и ржавчина не образуется.

Если капля дождя попадает на блестящую железную поверхность, она остается прозрачной в течение короткого периода времени. Железо и кислород, находящийся в воде, начинают взаимодействовать и образуют окись, то есть ржавчину, внутри капли. Вода становится красноватой, и ржавчина плавает в воде в виде мелких частиц. Когда капля испарится, остается ржавчина, образуя красноватый слой на поверхности железа.

Что такое медь?

Человек открыл медь раньше всех прочих металлов. Ещё в доисторические времена медь использовалась людьми каменного века.

Медь обнаруживают в довольно чистом состоянии – в самородках и крупинках металла без примесей. Возможно, впервые человек поднял с земли эти самородки, что они были красивыми. Затем человек сделал великое открытие, выяснив, что этим странным красноватым камешкам можно придать любую форму. Это был более простой метод изготовления оружия и ножей, чем обкалывание кремней.

Прошло много времени, и уже другие люди выяснили, что они могут расплавлять красные камни и изготавливать из расплавленной массы чашки и кувшины. Тогда люди начали добывать медь и делать из неё всевозможные приспособления и утварь.

В течение тысяч лет медь оставалась единственным пригодным для обработки металлом, поскольку золото было не только слишком редким, чтобы принимать его во внимание, но и слишком мягким для практических

целей. Медные инструменты использовались, возможно, ещё при строительстве великих египетских пирамид.

Когда была открыта бронза (сплав меди и олова), стали добывать ещё больше меди. Но после открытия железа медь стала использоваться в небольших количествах, в основном народами на низкой ступени цивилизации, пока не наступила эпоха электричества. Поскольку медь – хороший проводник электричества, она широко используется в современной промышленности.

Очень немногие видели чистую медь и вряд ли узнают ее, если увидят. Это блестяще серебристое вещество с легким розоватым оттенком, которое приобретает красноватый цвет по мере соприкосновения с воздухом. Медь, которую мы обычно видим, имеет красновато-коричневый цвет. Это цвет окиси меди, которая образуется в результате взаимодействия металла с воздухом.

Большая часть меди, имеющейся в мире, существует в сочетании с другими веществами, от которых она должна быть отделена перед использованием. Часто она соседствует с сернистыми веществами, которые могут сочетаться ещё с железом и мышьяком, что затрудняет очищение меди.

Медь имеет и некоторые другие достоинства, не считая того, что она пережила многие другие металлы. Она имеет высокую прочность, но тем не менее достаточно пластична, чтобы ее можно было вытягивать и придавать ей любую форму за счет обработки. Она проводит тепло не хуже, чем электричество. По меди можно делать резьбу и гравировку. Но ее не просто сломать. Кроме того, из нее можно создавать такие сплавы, как бронза и латунь, соединяя ее с другими металлами.

Кто такие алхимики?

Люди всегда мечтали о несбыточном. И не только мечтали, но и делали все, чтобы осуществить свою мечту. Одни забирались в самые отдаленные уголки земного шара в поисках золотой страны Эльдорадо, другие пытались отыскать эликсир бессмертия или вечной молодости. К таким людям относились по-разному. Завидовали и восхищались их одержимостью или, наоборот, посмеивались и называли чудаками.

К породе чудаков относили и алхимиков. Алхимики верили, что существует некий таинственный философский камень, с помощью которого можно простые металлы превратить в драгоценные. Например, свинец или ртуть в золото. Или изобрести средство, которое позволит людям жить вечно. И вот пока одни чудаки путешествовали по миру, стремясь отыскать все эти блага, другие, алхимики, упорно трудились в своих лабораториях или просто в маленьких темных клетушках: смешивали разные вещества, плавил их, варили, замораживали в надежде получить золото или эликсир бессмертия.

Алхимиков преследовали, им запрещали делать опыты, потому что в середине века, когда и появилось такое понятие «алхимия», считалось, что созданную Богом природу нельзя менять и переделывать.

Алхимики считались грешниками ещё и потому, что хотели понять, из чего состоит окружающая их природа, и научиться превращать одни вещества в другие.

Несмотря на то, что многие их идеи были, конечно же, фантастическими, алхимикам все-таки удавалось делать много интересных и полезных открытий. Так, алхимик монах Бертольд Шварц совершенно случайно, смешивая разные вещества, изобрел порох, а другой алхимик – Иоганн Бетгер – нашел способ изготовления фарфора.

И все-таки главная заслуга алхимиков состоит в том, что они первыми начали задумываться о природе вещей и своими для тех времен странными занятиями положили начало развитию настоящей науки – химии.

Как находят золото?

Вероятно, первым металлом, который узнал человек, было золото. Поэтому, как оно встречается в природе, человек узнал о нем и оценил его задолго до исторических времен. Как же находят золото?

Хотя золото считается ценным и редким, его много в природе. Беда в том, что в большинстве случаев месторождение золота невыгодно для разработки, потому что в нем недостаточно металла. Например, морская вода содержит небольшое количество золота. Но его так мало, что никто не знает, как выделить золото из воды.

Золото встречается в двух формах: самородное, что означает, что оно не имеет примесей других минералов; и соединенное с рудами других металлов. Самородное золото чаще всего встречается в кварцевых жилах или в пластах железного колчедана.

Иногда кварц или колчедан подвергаются действию воды и ветра. Частички камней, окружающие крупинки золота, отмываются, раскрывая крупинки и самородки чистого золота.

Самородки постепенно вымываются на дно долин и смешиваются с песком и гравием. Такое золото называется «наносным» или «рассыпным». Когда человек впервые обнаружил золото, оно было рассыпным. Частички золота имеют разную величину – от крошечных пылинок до больших самородков, таких, как найденный в Австралии самородок «Желанный незнакомец», имеющий вес около 70 кг.

Золото часто находят в рудах других металлов. Серебро почти всегда содержит частички золота. Медные руды тоже часто находятся в соединении с золотом.

Сегодня золото добывается теми же способами, что и другие металлы. Шахта прорывается в глубь земли к залежам золота. Она может быть больше километра в глубину! Затем руда взрывается, грузится на тележки, подвозится к стволу шахты и поднимается на поверхность. Она измельчается до мелкого песка, называемого пульпой, и далее химическим воздействием золото отделяется от другого вещества.

Вот три основные золотодобывающие страны мира – это Южная Африка, Россия и Соединенные Штаты Америки.

Что такое ртуть?

Ртуть – очень необычный металл, при комнатной температуре находящийся в жидком состоянии.

Ртуть замерзает при минус 39 С и закипает при 357 С. Она в 13,6 раза тяжелее воды. Поверхностное натяжение ртути достаточно велико, поэтому некоторые предметы тонут в ней. Она имеет свойство распадаться на мельчайшие капельки и растекаться.

В природе ртуть содержится в красноватом минерале киноварь. Киноварь входит в состав многих скальных пород, но в основном пород вулканического происхождения.

Ртуть легко испаряется. Для получения чистого металла из руды необходимо разогреть эту руду до температуры порядка 482 С. Пары собираются и конденсируются, и получается ртуть.

Ртуть в различных видах уже давно используется человеком. До появления письменности киноварь служила основой при изготовлении красных красителей. Ещё в 415 году до нашей эры ртуть получали из руды и использовали для покрытия металлических поверхностей и при лечении некоторых заболеваний. Алхимики, которые пытались получить драгоценные металлы, считали, что ртуть является волшебным материалом. Они широко использовали ее в своих опытах и ритуалах.

В настоящее время ртуть широко применяется в медицине. Несмотря на то, что ртуть и ее компоненты ядовиты, ее добавляют при изготовлении лекарств и дезинфицирующих средств. Примерно третья часть всего производства ртути идет в медицину.

Нам ртуть известна по своему применению в градусниках. Это связано с тем, что ртуть быстро и равномерно реагирует на изменения температуры. Сегодня ртуть также используется в красках, стоматологии, при производстве хлора, каустической соды и электрооборудования.

Что такое радий?

Радий – это радиоактивный элемент. Давай рассмотрим, что такое «радиоактивный».

Все химические элементы состоят из атомов. Большинство атомов стабильно, что означает, что они неизменны. Но некоторые из самых тяжелых атомов распадаются и превращаются в другие. Такой распад называется «радиоактивностью».

Каждый радиоактивный элемент при распаде испускает определенные лучи с какой-то частотой. Эту частоту невозможно ни ускорить, ни замедлить никаким способом. Некоторые элементы распадаются быстро, другие медленно, но в любом случае это явление не подвластно человеку.

Радий при распаде образует в конечном итоге свинец. Например, полграмма радия превратится в атомы другого вещества с меньшим атомным весом за 1590 лет. Ещё через 1590 лет произойдет превращение оставшегося радия, и так до тех пор, пока весь радий не станет свинцом.

Радий был открыт супругами Кюри. Они производили очистку тонны уранита – руды, содержащей уран. Было известно, что уран испускает невидимые лучи, но они считали, что должен существовать ещё один более мощный элемент. Вначале удалось получить полоний, ещё один радиоактивный элемент, и наконец они выделили радий.

Радий выделяет три вида излучений – альфа-, бета- и гамма- лучи. Альфа – излучение – это частицы гелия, имеющие большую скорость. Бета-излучение – это быстрые электроны. Гамма- излучение похоже на рентгеновские лучи, но обладает большей проникающей силой. При испускании одного из этих излучений атом, который является его источником, превращается в другой элемент. Такое изменение называется «атомным превращением».

Почему радиоактивность опасна для человека? Представь себе эти летящие частички разрушенных атомов. Когда эти частички ударяют по другим атомам, они заставляют их разрушаться, изменяя их химические характеристики. А когда эти частички попадают в живые клетки организма, они приводят к их изменениям! Они могут прожечь и уничтожить кожный покров, уничтожить красные кровяные тела, а также вызвать изменения в других клетках.

Следовательно, радиоактивность может быть как полезной, так и опасной для человека.

Что такое уран?

Уран существовал на земле в течение миллиардов лет, однако большинство людей узнало о нем лишь после создания ядерного оружия и атомных электростанций.

Уран – это один из самых тяжелых химических элементов. Он является металлом, и его содержание в земной коре выше, чем таких известных издавна элементов, как ртуть и серебро. Залежи урановых руд были обнаружены во многих регионах земного шара. Особенно велики их залежи в России, Канаде, США, Заире и некоторых других странах.

Чистый металлический уран блестит так же, как серебро. Однако, если его подержать несколько минут на воздухе, то поверхность куска металла тускнеет и приобретает коричневый оттенок. На нем образуется пленка оксида урана – соединения урана с кислородом, а процесс ее образования называется окислением. Пленка, образуясь на поверхности металла, препятствует проникновению кислорода внутрь образца и дальнейшему развитию процесса окисления.

Главное отличие урана от подавляющего большинства других элементов заключается в том, что он обладает естественной

радиоактивностью. Это означает, что атомы урана сами по себе постепенно изменяются, испуская при этом определенные виды невидимых глазу лучей. Эти лучи бывают трех видов, называемых альфа-, бета- и гамма-излучениями.

В процессе изменений, претерпеваемых атомами урана, они превращаются в другой радиоактивный элемент. С новым элементом происходит то же самое, при этом выделяется новая порция излучения. Так проходит до тех пор, пока не образуется новый элемент, не являющийся радиоактивным.

В этой цепочке превращений имеется 14 стадий. На одной из них образуется хорошо известный элемент радий, а на последней – свинец. Свинец – нерадиоактивный элемент, и поэтому на нем цепочка превращений заканчивается. Полный процесс превращения урана в свинец занимает миллиарды лет.

Уран имеет несколько изотопов. Изотопами называются атомы одного и того же элемента, имеющие различный атомный вес, который указывается цифрами после названия элемента. В качестве материала для атомных бомб и топлива для атомных электростанций используется уран 235. Другой элемент – плутоний, применяемый для тех же целей, - не существует в природе, и его получают из урана при помощи специальных устройств.

Выделение урана из руд – очень долгий и сложный процесс.

Вначале руду измельчают и просеивают. Затем ее подвергают воздействию различных химикатов, чтобы очистить от загрязнения. Затем руда проходит через много очищающих процессов, пока не останется яркое, похожее на глину вещество, называемое «желтый торт». Эта хорошо очищенная форма урана подвергается дальнейшей очистке, чтобы только маленькая фракция природного урана могла расщепляться.

В ядерных реакторах разрушаемые атомы урана выделяют огромное количество тепла, так как происходит цепная реакция. Это тепло может быть использовано для вращения турбины, которая управляет электрическим генератором.

Что такое автоматизация?

Автоматизация процесса – это использование оборудования, которое может работать без участия человека. Уже сейчас некоторые изделия изготавливаются так, а человек лишь контролирует качество готовых изделий. Следует отметить, что некоторые вещи – например, микросхемы для компьютера – машины делают гораздо быстрее и лучше человека.

Также механизированы все процессы сбора информации. Современные компьютеры умеют читать напечатанный текст, изображение на телеэкране и даже воспринимать человеческую речь.

В нашем обществе автоматизация производственных процессов занимает с каждым годом все большее место. Уходит в прошлое образ начальника, управляющего служащими, вместо них работает компьютер.

Уже сегодня ряд процессов автоматизирован. Приведем всего два примера: освещение улиц и регулировка давления воды, чтобы она смогла пройти до всех домов большого города. В настоящее время эти процессы полностью автоматизированы.

Многие работы, ранее выполнявшиеся вручную, выполняются машинами намного быстрее и дешевле. Однако механизация порождает проблему безработицы: ведь многие рабочие оказываются ненужными, в то время как человеку необходимо зарабатывать себе на жизнь. Так что проблема механизации и автоматизации не так проста, как это кажется на первый взгляд.

Что такое компьютер?

Компьютер, или электронно-вычислительная машина, - это одно из самых умных изобретений человека. Сейчас нет ни одной отрасли знания, где бы не использовались компьютеры. Но для того, чтобы компьютер смог войти в нашу повседневную жизнь, должно было пройти очень много лет и измениться само отношение человека к машине.

Человек должен был перестать видеть в компьютере механизм, созданный для облегчения тяжелой работы, а начать относиться к нему как к безмолвному и очень надежному помощнику.

Сердце компьютера – особая электронная схема, которая называется процессором. Именно она производит обработку всей информации, которая поступает в компьютер.

Руководит работой процессора программа. Она написана на специальном языке, который понимает машина, и выполняет ту же функцию, что ноты для музыканта.

Если бы не было программ, то даже самый совершенный компьютер не смог бы решить простейшей арифметической задачи.

В настоящее время создано огромное количество различных программ, благодаря которым компьютеры умеют создавать книги, переводить с одного языка на другой, выполнять сложнейшие математические расчеты и даже рисовать мультфильмы.

Однако компьютер умеет не только работать на человека, но и развлекать его с помощью специальных игровых программ. Вот почему ты можешь увидеть компьютер повсюду: и в офисе бизнесмена, и в магазине, и в билетной кассе, и на станции метро.

Где изобрели велосипед?

Крутя руль велосипеда, мы даже и не подозреваем, что он существует уже целое тысячелетие.

Ученые утверждают, что в Древнем Египте был двухколесный механизм, который приводился в движение ногами ездока. Но официальной датой появления велосипеда считается 1817 год. Именно тогда в Германии барон фон Дрез продемонстрировал механизм, который был прозван

«лошадь денди», а двадцать три года спустя шотландец Макмиллан усовершенствовал этот механизм, поставив рычаги на ось заднего колеса. Он ездил на своем изобретении так быстро, что даже был арестован за «бешеную» езду! Впервые же название «велосипед» (байсикл) появилось во Франции в 1865 году, а спустя двадцать лет наконец-то получил широкое распространение современный вид велосипеда, где колеса были одного размера, а сиденье располагалось чуть впереди заднего колеса.

Кто изобрел автомобиль?

Первый бензиновый двигатель был построен в 1883 году Готлибом Даймлером. Он приводил в движение двухколесный велосипед. В 1886 году Карл Бенц построил первый трехколесный автомобиль, также приводимый в движение бензиновым мотором. Вот почему принято считать Даймлера и Бенца изобретателями автомобиля.

Их первая машина имела двигатель мощностью всего 0,75 лошадиной силы и развивала максимальную скорость 12 километров в час. У машины было три колеса, из которых переднее было рулевым, а задние – ведущими.

В 1886 году Даймлер построил первый автомобиль с четырьмя колесами, а в 1890 году он предложил публике целых две модели – «Викторию» и «Фаэтон».

Продолжая работать вместе с Бенцем, в 1896 году Даймлер создал рабочую модель двухцилиндрового двигателя для автомобиля. В 1901 году Даймлер и Бенц организовали фирму, модели которой стали называться именем дочери Даймлера – Мерседес.

В том же 1901 году построил свою первую машину французский инженер Жан Пежо. А в 1903 году заработал первый в мире завод по массовому изготовлению автомобилей, построенный американским инженером Генри Фордом.

С этого времени в мире началась новая эра, век автомобилей.

Кто изобрёл парашют?

Парашют – это большой зонт, который создает сопротивление воздуха. При помощи парашюта человек может спускаться вниз достаточно медленно и избежать ушибов при падении на землю. Парашют – это самая старая идея летательного устройства. Это описание было впервые зафиксировано в 1514 году великим Леонардо да Винчи. Первым человеком, спрыгнувшим с парашютом, был француз Гарнери. В 1797 году он успешно прыгнул с высоты более 600 метров. Парашют Гарнери имел форму зонта, был сделан из белого брезента и достигал 7 метров в диаметре.

Кто изобрел вертолет?

Мысль о летательном аппарате, который мог бы подняться в воздух, возникла давно. Леонардо да Винчи уже в 1500 году нашей эры нарисовал чертеж огромного винтообразного вертолета. Но он никогда не пробовал

построить вертолет, потому что у него не было мотора. В 1783 году во Франции был показан игрушечный вертолет, известный под названием «китайский волчок». До сих пор не известно, кто его изобрел. В 1796 году сэр Джон Кейли делал опытные образцы китайских волчков, а также сконструировал вертолет, который приводился в движение паром.

В течение следующих ста лет многие люди занимались конструированием вертолетов. Некоторые из этих моделей были фантастически сложными, некоторые простыми, но лишь единицы из них могли летать. Самое трудное было в том, что не существовало мощных, но легких двигателей. Такой двигатель был сделан лишь во времена первой мировой войны. Он позволил сконструировать вертолет, который оторвался от земли с человеком на борту.

В 1909 и 1910 годах Игорь Сикорский сконструировал два вертолета. Один из них мог поднимать собственный вес. В конце 1917 года два австро-венгерских офицера сконструировали вертолет для замены привязного аэростата наблюдения. Он совершил несколько взлетов на большие высоты, но на этом вертолете нельзя было свободно маневрировать.

Работа над вертолетами продолжалась во многих странах. Но ни одна из машин не оправдала надежд конструкторов.

В 1936 году из Германии пришло сообщение, что в компании Фокке-Вульф была изготовлена удачная конструкция. В 1937 году он пролетел над всей страной со скоростью около 70 миль и на высоте более 335 метров.

В 1940 году Сикорский продемонстрировал свой первый действующий вертолет. Этот вертолет был принят на вооружение армией США в 1942 году.

Как человек полетел в космос?

После завоевания неба людям захотелось подняться ещё выше. Первым о полете в космос задумался русский ученый К.Э.Циолковский, ещё в 1898 году высказавший идею полета в ракете и предложивший устройство двигателя для нее.

Во время второй мировой войны в Германии были созданы ракеты Фау-1 и Фау-2. но они использовались только для бомбардировок. После 1945 года основные работы по созданию космических кораблей производились в США и СССР. Они были связаны с необходимостью доставки ядерных бомб, а также для шпионажа.

Первый успех выпал на долю России. 4 октября 1957 года был запущен первый искусственный спутник Земли. В ноябре того же года на втором спутнике вокруг Земли облетел первый пассажир – собака Лайка.

В 1958 году был выведен на орбиту первый американский аппарат – спутник «Исследователь -1».

В 1959 г. Советская космическая станция «Луна-3» сфотографировала обратную сторону земного спутника. Двумя годами позже, 12 апреля 1961 года, состоялся первый полет космического корабля, пилотируемого

человеком. Юрий Гагарин облетел Землю в кабине «Востока-1». 14 мая того же года на корабле «Меркурий» космический полет совершил американский космонавт Ален Шепард.

Кульминационная точка в завоевании космоса была достигнута 20 июля 1969 года. В этот день американский космический корабль «Аполлон-15» доставил на Луну трех космонавтов – Н.Армстронга, Э.Олдрина, и Д.Коллинза.

Что такое искусственный спутник?

Искусственный спутник – это космический корабль, построенный человеком и выведенный с помощью ракеты на орбиту Земли или других планет. Обычно искусственные спутники оснащены радиоаппаратурой, через которую поступает на Землю различная информация – например, метеорологического характера. Первый искусственный спутник сконструировали советские ученые, он был запущен 4 октября 1957 года.

Второй ИСЗ вывели на орбиту 3 ноября того же года. В феврале 1958 американцы запустили свой первый искусственный спутник. С этого времени началась космическая эра. Сейчас на земной орбите находится множество спутников, одни используются для телерадиосвязи, другие являются научными лабораториями.

Как началось приготовление пищи?

Почему вы можете есть фрукты и многие овощи сырыми, но при этом должны готовить мясо и рыбу? Для большинства из нас, конечно, приготовленные мясо и рыба просто вкуснее, чем в сыром виде.

Но есть и другая, даже более важная, причина: когда мы недостаточно готовим определенные виды мяса и рыбы, организмы, живущие в рыбе и животных, могут попасть в наше тело и вызвать болезнь. Один из самых известных примеров этого – «трихинеллез», болезнь, которую человек может получить, если съест недостаточно готовую, а тем более сырую свинину или свиные продукты. Солитер и другие инфекции, вызываемые паразитами, можно подхватить, если есть не вполне приготовленную рыбу некоторых сортов.

Конечно, у первобытного человека не было выбора? Он должен был есть пищу сырой, ведь у него не было возможности ее приготовить. Когда человек наконец нашел способ разведения огня, он стал использовать его для обогрева и отпугивания диких зверей. Вероятно, человек открыл способ приготовления пищи случайно. Возможно, некоторые убитые им животные были брошены возле горячих углей. Человек увидел, что мясо потемнело, и почувствовал, что оно приятно пахнет. Попробовал и понял, что оно нравится ему больше сырого. С тех пор он мог перейти на жареную пищу.

Посуды тогда не было, поэтому первобытный человек готовил на горячих камнях вокруг открытого огня. Первой печью была выложенная камнями яма с тлеющими углями. Скоро он начал строить печь для

приготовления пищи над поверхностью земли, с отверстием для дыма, тягой и камнем, закрывающим входное отверстие, чтобы держать ее горячей.

Человек узнал, как варить пищу в яме, накрытой большой шкурой. Она заполнялась водой и нагревалась до кипения раскаленными докрасна камнями. И, наконец, человек научился делать первые примитивные котелки. Для этого нужно было обмазать глиной тростниковую корзину и дать ей затвердеть. В этих котелках на огне, с водой и без нее, можно было готовить еду.

Так первобытный человек изобрел два способа приготовления пищи: запекание, или жарение в сухом жару, и кипячение, или варка на пару.

Что придает пище ее вкус?

Весь процесс восприятия вкуса является довольно сложным. Начать надо с того, что на языке у нас имеются крохотные, похожие на бородавки, бугорки, ответственные за наши вкусовые ощущения. Их называют вкусовыми сосочками («папилами», употребляя научный латинский термин). У человека их около трех тысяч.

Вкусовые ощущения вызываются реакцией чувствительных волосков в этих сосочках на молекулы жидкостей, когда они попадают на них. Только вещества в растворе, где атомы свободно движутся, могут давать ощущение вкуса, стеклянный шарик, например, его не даст.

Все, что заставляет атомы двигаться быстрее, например подогрев, усиливает вкусовые ощущения. Вот почему горячий кофе кажется более горьким, чем холодный, поджаренная соленая грудинка – более соленой, а горячее мясное блюдо – вкуснее, чем холодное.

Наши вкусовые сосочки регистрируют три или четыре вкусовых ощущения: сладкий, горький, соленый, и кислый вкус. Различные участки поверхности языка чувствительны к разным вкусовым ощущениям: задняя спинка языка – к горькому, по бокам – к кислому и соленому, кончик языка – к сладкому.

Поскольку почти всякая наша пища состоит из разных компонентов, то и вызывает она сложные вкусовые ощущения. Кроме того, вкусовые ощущения никогда не переживаются в чистом виде, они всегда осложнены обонятельными. Когда мы едим, мы также ощущаем тепло, холод, атмосферное давление. Все эти ощущения в сумме дают то, что мы называем «вкусом пищи». И еще надо сказать, что часто то, что мы считаем «вкусом», на самом деле является запахом. Например, кофе, чай, табак, яблоки, апельсины, лимоны и многое другое стимулируют орган обоняния в большей степени, чем орган вкуса.

Откуда берется соль?

Соль добывается в соляных шахтах, в источниках, соляных озерах и из моря.

В соляных шахтах туннели и коридоры сверкают, как будто они сделаны из льда. Шахтеры выпиливают блоки, которые потом разбивают на куски, грузят в вагонетки и на специальных поездах вывозят наверх.

В некоторых местах соль добывают через специальные соляные скважины.

Обычно скважины бурят для того, чтобы добывать воду. В соляные скважины, наоборот, наливают горячую воду. Вода растекается под землей и растворяет соль. Под землей образуется рассол. Потом рассол выкачивается и подогревается в огромных резервуарах. Там вода испаряется, а соль оседает на дно.

Иногда подземную реку месторождения каменной соли пересекают подземные реки. Тогда вода растворяет соль, и под землей образуются соляные пещеры.

Самые крупные соляные пещеры находятся в Чехии, близ поселка Величка.

Соль добывают и другим способом. На морском берегу строят специальные неглубокие бассейны – соляные прессы.

По специальному каналу в них напускают морскую воду.

Жаркое солнце нагревает воду, и она быстро испаряется, а принесенная ею соль остается в бассейне.

В древние времена соль привозили в Европу издалека. Её добывали преимущественно в приморских районах и на некоторых соленых озерах.

Вот почему соль ценилась очень высоко, наряду с драгоценными металлами. В некоторых местах соль даже использовалась в качестве заменителя денег.

В России два таких озера – Эльтон и Баскунчак. На их берегах соль добывали еще в глубокой древности.

Соль играет огромную роль в жизни человека, ее не только употребляют в пищу. Раньше она была основным веществом для консервации – предохранения продуктов питания от порчи.

Сегодня же еду сохраняют с помощью холода в морозильниках и рефрижераторах.

Как делают сахар?

Прежде всего – немного истории.

Многие столетия основным источником сахара для европейцев был мед. Лишь после открытия тропических стран им стал сахарный тростник. Это растение, широко распространенное в тропических странах, было открыто туземцами в незапамятные времена.

Увидев его, европейцы стали привозить сахар в Европу как одну из экзотических сладостей. Но очень скоро он приобрел всеобщее распространение.

В наши дни это растение специально выращивают во многих странах Центральной и Южной Америки. Тростник считается основным источником для производства сахара.

Вначале сахарный бизнес принадлежал только английским и датским матросам. В 1807 году французский император Наполеон завоевал почти всю Европу. Только Англия оставалась для него недосягаемой.

Тогда Наполеон ввел континентальную блокаду, запретив всю торговлю с Англией. И Европа оказалась без сахарного тростника. Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока не обнаружили, что огромное количество сахара содержится в корнях сахарной свеклы.

В отличие от сахарного тростника, сахарная свекла может расти в более холодном климате. Так родилось одно из важнейших производств в Западной Европе – добыча сахара из сахарной свеклы. По вкусовым качествам тростниковый сахар, полученный из свеклы, практически ничем не отличаются.

Сахарная свекла лучше всего растет в глиняной почве. Она образует массивный корень, который выкапывают, освобождают от листьев и отправляют на сахарные заводы для переработки.

Там свеклу моют и режут на мелкие куски. Из них готовят сироп, который выпаривают в огромных печах. Постепенно вода испаряется, и от сиропа остается сахар и патока.

Патоку используют для приготовления варенья и компотов, а сахар очищают и употребляют к столу.

Как образуется молоко?

Известно, что вкус молока и его питательность во многом зависят от того, что ест животное. Так, у коровы, например, молоко бывает горькое на вкус. Это значит, что она ела полынь или еще какую-то горькую траву.

Таким образом, можно предположить, что молоко образуется из пищи, которую животное ест, - травы или сена. Но вот тигры, например, или киты, волки и кошки, да и множество других млекопитающих сено не едят. Из чего же тогда у них образуется молоко? Причем точно такое же по составу, как и у травоядных.

Молоко у всех млекопитающих образуется одинаково, и «сырьем» для него является обыкновенная кровь. Оказывается, такие не похожие друг на друга вещества, как молоко и кровь, состоят из одних и тех же компонентов. Молочная железа, которая имеется у всех млекопитающих, группирует их в разных пропорциях и количествах, увеличивая, например, процент сахара в молоке по сравнению с его содержанием в крови в 90 раз, жиров – в 20 раз, кальция – в 14 раз и т.д. Входят в молоко и витамины, и минеральные вещества. И чем бы животное не питалось – травой, мясом или рыбой, - кровь отдает молоку все, что надо, и в нужном количестве.

В основе этого процесса лежат сложные химические реакции, которые происходят с помощью ферментов – катализаторов. Этот процесс лучше

всего изучен на примере организма коровы. Каждую минуту через молочную железу коровы для образования молока должно проходить три с половиной литра крови. Специальные клетки железы «отжимают» из крови все молочные компоненты и по протокам подают готовый продукт в «цистерну» - у коровы это вымя. Из вымени уже через соски его отсасывает или теленок, или специальная машина с вакуумными пульсирующими трубками – аппарат для доения, а кое-где и доярки – руками.

Образование молока на основе крови, конечно, не значит, что питание не играет в этом никакой роли. Оно поставляет в свою очередь все необходимые вещества и витамины, которые потом через кровь попадают в молоко. Чем насыщеннее кровь, тем питательнее и вкуснее молоко.

Кто первым получил масло?

Масло – один из самых древних продуктов, известных человеку и наиболее широко используемых им. Довольно странно, что в древние времена масло не использовалось в пищу во многих странах мира! Индусы использовали масло в качестве жертвоприношения в религиозных обрядах. Греки и римляне тоже не ели масла, а применяли его как лекарство для лечения кожных заболеваний. Они верили, что копоть от пригоревшего масла полезна для глаз. Римляне использовали масло как мазь для кожи и волос.

В Испании 300 лет назад масло продавали только в аптеках. В древние времена только немногие ели масло, но его никогда не употребляли в пищу свежим. Его хранили в растопленном состоянии, и были даже люди, которые особенно ценили масло столетней выдержки. Возможно, изготовление пищевого масла пришло в Европу из Скандинавии.

Сегодня масло- необходимый продукт. Это очень высококалорийная пища, которая быстро усваивается организмом. Оно также имеет важные свойства, которые позволяют маслу долгое время оставаться в желудке и давать энергию организму.

Производство масла начинается с дойки коров. Так как в молоке коров гернсийской и джерсейской пород содержится много жира, эти породы называют «масляными». После того, как молоко получено, с него снимают сливки. Затем сливки оставляют при комнатной температуре, чтобы они закисло. Это придает им определенный вкус и облегчает маслособойный процесс. Сливки пастеризуют, чтобы убить все бактерии и увеличить срок хранения масла.

Масло взбивается в маслособойных машинах, чтобы отделить молочный жир от сыворотки. В сыворотке совсем не содержится жиров. Затем к маслу добавляется вода, и все это ещё раз тщательно перемешивается в маслособойке, чтобы удалить из масла все ненужные компоненты. После того, как удаляют воду, масло готово. Его пропускают между большими валиками, чтобы сделать его мягче и однороднее по вкусу и по цвету. Теперь масло запечатывают и отправляют в магазин.

Что такое экология?

Сегодня мы постоянно слышим и читаем об экологии, и этому есть много причин. Хотя экология – одна из самых молодых наук, она имеет большое значение для будущего человечества.

Каждое существо имеет свой образ жизни, который зависит частично от самого существа и его деятельности, а частично от окружающей среды. Окружающая среда влияет на все живые существа. А они, в свою очередь, влияют на окружающую среду. Каждый организм – это только частичка окружающего мира.

В то же время каждый организм входит в состав группы организмов. Они все вместе также часть окружающей среды.

Поэтому, когда мы изучаем жизнь животных или растений в их естественном окружении, мы должны изучать и это окружение. Ученый, который изучает эти вопросы, называется экологом. Предмет его изучения – экология, которая происходит от двух греческих слов, имеющих значение «изучение окружающей среды».

Экология изучает взаимосвязь живых существ в мире и может нам подсказать, как эффективно использовать и сберечь наши ресурсы. Она может ответить, к примеру, на такие вопросы: «Как лучше использовать земли? Как сберечь леса, пашни, всю естественную жизнь? Как уменьшить потери, наносимые вредными насекомыми?» Это примеры того, как экологи стараются дать ответы на практические вопросы, выдвигаемые жизнью.

Что такое охрана окружающей среды?

По всему миру люди проводят кампании, посвященные охране окружающей среды. Что же означает это выражение?

Некоторые люди под охраной окружающей среды понимают прежде всего сохранение в неприкосновенности не столь уж многочисленных оставшихся на Земле уголков девственной, не тронутой человеком природы. Другие – сохранение различных видов животных и растений. Охрана окружающей среды включает в себя и усилия по защите лесов от вырубки и разумное использование вообще всех природных ресурсов.

Проблема охраны окружающей среды стала жизненно важной в наши дни, потому что именно теперь человечеству требуется больше разнообразных природных ресурсов, чем когда-либо прежде. По мере того, как растет численность людей на нашей планете и повышается уровень их жизни, они все глубже запускают руку в кладовую природы. Ресурсы следует «охранять» во имя сохранения как самой планеты, так и будущего человечества.

Что означает это слово – ресурсы? Их можно разделить на три большие группы. К первой относятся возобновляемые ресурсы, например, вода, почва, леса, которые, будучи использованными, при правильном отношении к ним могут быть возрождены заново. В этом случае под охраной природы

понимают еще и такие меры, как защита почвы от эрозии (то есть разрушения), орошение и другие.

Вторую группу составляют невозобновляемые ресурсы. Главным образом это полезные ископаемые: уголь, нефть, природный газ, руды. Их запасы в недрах Земли ограничены и не могут быть увеличены.

В третью группу входят неисчерпаемые ресурсы, такие, как солнечная энергия.

РАЗДЕЛ II
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА

И.С.ТУРГЕНЕВ

ХОРЬ И КАЛИНЫЧ
(отрывок)

... Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов. Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной соленых огурцов в деревянной миске. Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать. Не успели мы доесть нашей закуски, как уже телега застучала перед крыльцом. Мы вышли. Мальчик лет пятнадцати, кудрявый и краснощекий, сидел кучером и с трудом удерживал сытого пегого жеребца. Кругом телеги стояло человек шесть молодых великанов, очень похожих друг на друг и на Федю. « Все дети Хоря! » - заметил Полутыкин. « Все Хорьки,- подхватил Федя, который вышел вслед за нами на крыльцо, - да еще не все: Потап в лесу, а Сидор уехал со старым Хорем в город... . Смотри же, Вася, - продолжал он, обращаясь к кучеру, - духом сомчи: барина везешь. Только на толчках – то, смотри, потише: и телегу-то попортишь, да и барское череве обеспокоишь! » Остальные Хорьки усмехнулись от выходки Феде. «Подсадить Астронома!» - торжественно воскликнул г-н Полутыкин. Федя, не без удовольствия, поднял на воздух принужденно улыбающуюся собаку и положил ее на дно телеги. Вася дал вожжи лошади. Мы покатали. «А вот это моя контора, - сказал мне вдруг г-н Полутыкин, указывая на небольшой низенький домик, - хотите зайти?» - «Извольте». – «Она теперь упряднена, - заметил он, слезая, - а всё посмотреть стоит». Контора состояла из двух пустых комнат. Сторож, кривой старик, прибежал с задворья. «Здравствуй, Миняич, - проговорил г-н Полутыкин, - а где же вода?» кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами. «Отведайте, - сказал мне Полутыкин, - это у меня хорошая, ключевая вода». Мы выпили по стакану, причем старик нам кланялся в пояс. «Ну, теперь, кажется, мы можем ехать, - заметил мой новый приятель. – В этой конторе я продал купцу

Аллилуеву четыре десятины лесу за выгодную цену». Мы сели в телегу и через полчаса уже въезжали на двор господского дома.

На другой день мы тотчас после чаю опять отправились на охоту. Проезжая через деревню, г-н Полутыкин велел кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнул: «Калиныч!» - «Сейчас, батюшка, сейчас, - раздался голос со двора, - лапоть подвязываю». Мы поехали шагом; за деревней догнал нас человек лет сорока, высокого роста, худой, с небольшой загнутой назад головкой. Это был Калиныч. Его добродушное смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами, мне понравилось с первого взгляда. Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устраивал шалаши, бегал за дрожками; без него господин Полутыкин шагу ступить не мог. Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривал свои светло голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходил он нескоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. В течение дня он не раз заговаривал со мною, услуживал мне без раболепства, но за барином наблюдал, как за ребенком. Когда невыносимый полуденный зной заставил нас искать убежища, он свел нас на свою пасеку, в самую глушь леса. Калиныч отворил нам избушку, увешанную пучками сухих душистых трав, уложил нас на свежем сене, а сам надел на голову род мешка с сеткой, взял нож, горшок и головешку и отправился на пасеку вырезать нам сот. Мы запили прозрачный теплый мед ключевой водой и заснули под однообразное жужжанье пчел и болтливый лепет листьев.

Я в этот день пошел на охоту часами четыремя позднее обыкновенного и следующие три дня провел у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чем я заслужил их доверие, но они непринужденно разговаривали со мной. Я с удовольствием слушал их и наблюдал за ними. Оба приятеля несколько не походили друг на друга. Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив, принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных. Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как. Хорь расплодил большое семейство, покорное и единоедушное; у Калиныча была когда-то жена, которой он боялся, а детей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видел г-на Полутыкина; Калиныч благоговел перед своим господином. Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство; Калиныч любил и уважал Хоря. Хорь говорил мало, посмеивался и разумел про себя; Калиныч объяснялся с жаром, хотя и не пел соловьем, как бойкий фабричный человек... Но Калиныч был одарен преимуществами, которые признавал сам Хорь, например: он заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей; пчелы ему дались, рука у него

была легкая. Хорь при мне попросил его ввести в конюшню новокупленную лошадь, и Калиныч с добросовестною важностью исполнил просьбу старого скептика. Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же – к людям, к обществу; Калиныч не любил рассуждать и всему верил слепо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь. Он много видел, много знал, и от него я многому научился. Например, из его рассказов узнал я, что каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек – полтора рубля ассигнациями; в долг – три рубля и целковый. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается.

ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА

(отрывок)

...Вообразите себе человека лет сорока почти, высокого, худого, с длинным и тонким носом, узким лбом, серыми глазками, взъерошенными волосами и широкими насмешливыми губами. Этот человек ходил и зиму и лето в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя, но подпоясывался кушаком; носил синие шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, в веселый час, разорившимся помещиком. К кушаку привязывались два мешка, один спереди, искусно перекрученный на две половины. Для пороху и для дробы, другой сзади – для дичи; хлопки же Ермолай доставал из собственной, по-видимому неистощимой, шапки. Он бы легко мог на деньги, вырученные им за проданную дичь, купить себе патронташ и суму, но ни разу даже не подумал о подобной покупке и продолжал заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумление зрителей искусством, с каким он избегал опасности просыпать или смешать дробь и порох. Ружье у него было одноствольное, с кремнем, одаренное притом скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлее левой. Как он попадал из этого ружья – и хитрому человеку не придумать, но попадал. Была у него и легавая собака, по прозванию Валетка, преудивительное создание. Ермолай никогда ее не кормил. «стану я пса кормить, - рассуждал он, - притом пес – животное умное, сам найдет себе пропитанье». И действительно: хотя Валетка поражал даже равнодушного прохожего своей чрезмерной худобой, но жил, и долго жил; даже, несмотря на свое бедственное положение, ни разу не продал и не изъявлял желанья покинуть своего хозяина. Раз как-то, в юные годы, он отлучился на два дня, увлеченный любовью; но эта дурь скоро с него соскочила. Замечательнейшим свойством Валетки было его непостижимое равнодушие ко всему на свете... Если б речь шла не о собаке, я бы употребил слово: разочарованность. Он обыкновенно сидел, подвернув под себя свой куцей хвост, хмурился, вздрагивал по временам и никогда не

улыбался. (Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.) он был крайне безобразен, и ни один праздный дворовый человек не упускал случая ядовито насмеяться над его наружностью; но все эти насмешки и даже удары Валетка переносил с удивительным хладнокровием. Особенное удовольствие доставлял он поварам, которые тотчас отрывались от дела и с криком и бранью пускались за ним в погоню, когда он по слабости, свойственной не одним собакам, просовывал свое голодное рыло в полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охоте он отличался неутомимостью и чутье имел порядочное; но если случайно догонял подраненного зайца, то уж и съедал его с наслаждением всего, до последней косточки, где-нибудь в прохладной тени, под зеленым кустом, в почтительном отдалении от Ермолая, ругавшегося на всех известных и неизвестных диалектах.

Во ста шагах от мельницы находился маленький, со всех сторон открытый, навес. Нам принесли туда соломы, сена; работник на траве подле реки наставил самовар и, присев на карточки, начал усердно дуть в трубу... Уголья, вспыхивая, ярко освещали его молодое лицо. Мельник побежал будить жену, предложил мне сам, наконец переночевать в избе; но я предпочел остаться на открытом воздухе. Мельничиха принесла нам молока, яиц, картофелю, хлеба. Скоро закипел самовар, и мы принялись пить чай. С реки поднимались пары, ветру не было; кругом кричали коростели; около мельничных колес раздавались слабые звуки: то капли падали с лопат, сочилась вода сквозь засовы плотины. Мы разложили небольшой огонек. Пока Ермолай жарил в золе картофель, я успел задремать... Легкий, сдержанный шепот разбудил меня. Я поднял голову: перед огнем, на опрокинутой кадке, сидела мельничиха и разговаривала с моим охотником. Я уже прежде, по ее платью, телодвижениям и выговору, узнал в ней дворовую женщину – не бабу и не мешчанку; но только теперь я рассмотрел хорошенько ее черты. Ей было на вид лет тридцать; худое и бледное лицо еще хранило следы красоты замечательной; особенно понравились мне глаза, большие и грустные. Она оперла локти на колени, положила лицо на руки. Ермолай сидел ко мне спиной и подкладывал щепки в огонь.

- В Желтухиной опять падеж, - говорила мельничиха, - у отца Ивана обе коровы свалились,... Господи помилуй!

- А что ваши свиньи? – спросил, помолчав, Ермолай.

- Живут.

- Хоть бы поросеночка мне подарили.

Мельничиха помолчала, потом вздохнула.

- С кем вы это? – спросила она.

- С барином – с костомаровским.

Ермолай бросил несколько еловых веток на огонь; ветки тотчас дружно затрещали, густой белый дым повалил ему прямо в лицо.

- Чего твой муж нас в избу не пустил?

- Боится.

- вишь, толстый брюхач... Голубушка, Арина Тимофеевна, вынеси мне стаканчик винца!

Мельничиха встала и исчезла во мраке. Ермолай запел вполголоса:

*Как к любезной я ходил,
Все сапожки обносил...*

Арина вернулась с небольшим графинчиком и с стаканом. Ермолай пристал, перекрестился и выпил духом. «Люблю!» - прибавил он.

Мельничиха опять присела на кадку.

- А что, Арина Тимофеевна, чай, все хвораешь?

- Хвораю.

- Что так?

- Кашель по ночам мучит.

- Барин-то, кажется, заснул, - промолвил Ермолай после небольшого молчания. – Ты к лекарю не ходи, Арина: хуже будет.

- Я и то не хожу.

- А ко мне зайди погостить.

Арина потупила голову.

- Я свою-то, жену-то, прогоню на тот случай, - продолжал Ермолай... -
Право-ся.

- Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович: видите, картофель испекся.

- А пусть дрыхнет, - равнодушно заметил мой верный слуга, - набегался, так и спит.

Я заворочался на сене. Ермолай встал и подошел ко мне.

- Картофель готов-с, извольте кушать.

Я вышел из-под навеса; мельничиха поднялась с кадки и хотела уйти. Я заговорил с нею.

- Давно вы эту мельницу сняли?

- Второй год пошел с Троицына дня.

- А твой муж откуда?

Арина не расслушала моего вопроса.

- Откелева твой муж? – повторил Ермолай, возвыся голос.

- Из Белева. Он белевский мещанин.

- А ты тоже из Белева?

- Нет, я господская... была господская.

- Чья?

- Зверкова господина. Теперь я вольная.

- Какого Зверкова?

- Александра Силыча.

- Не была ли ты у его жены горничной?

- А вы почему знаете? Была.

Я с удвоенным любопытством и участием посмотрел на Арину.

- Я твоего барина знаю, - продолжал я.

- Знаете? – отвечала она вполголоса – и потупилась.
- Давно ты замужем за мельничиком? – спросил я ее наконец.
- Два года.
- Что ж, разве тебе барин позволил?
- Меня откупили.
- Кто?
- Савелий Алексеевич.
- Кто такой?
- Муж мой. (Ермолай улыбнулся про себя.) А разве вам барин говорил обо мне? – прибавила Арина после небольшого молчанья.

Я не знал, что отвечать на ее вопрос. «Арина!» - закричал издали мельник. Она встала и ушла.

МАЛИНОВАЯ ВОДА

(отрывок)

...В нескольких верстах от моей деревни находится большое село Шумихино, с каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана. Напротив этой церкви некогда красовались обширные господские хоромы, окруженные разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющих, цветочными оранжереями, качелями для народа и другими, более или менее полезными, зданиями. В этих хоромах жили богатые помещики, и все у них шло своим порядком, как вдруг, в одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорела дотла. Господа перебрались в другое гнездо; усадьба запустела. Обширное пепелище превратилось в огород, кое-где загроможденный грудями кирпичей, остатками прежних фундаментов. Из уцелевших бревен на скорую руку сколотили избенку, покрыли ее барочным тесом, купленным лет за десять для построения павильона на готический манер, и поселили в ней садовника Митрофана с женой Аксиньей и семью детьми. Митрофану приказали поставять на господский стол, за полтора верст, зелень и овощи; Аксинье поручили надзор за тирольской коровой, купленной в Москве за большие деньги, но, к сожалению, лишенной всякой способности воспроизведения и потому со времени приобретения не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатого дымчатого селезня, единственную «господскую» птицу; детям, по причине малолетства, не определили никаких должностей, что, впрочем, нисколько не помешало им совершенно облениться. У этого садовника мне случилось раза два переночевать; мимоходом забирал я у него огурцы, которые, бог ведает почему, даже летом отличались величиной, дрянным водянистым вкусом и толстой желтой кожей. У него-то увидел я впервые Степушку. Кроме Митрофана с его семьей да старого глухого ктитора Герасима, проживавшего Христа ради в каморочке у кривой солдатки, ни одного дворового человека не осталось в

Шумихине, потому что Степушку, с которым я намерен познакомить читателя, нельзя было считать ни за человека вообще, ни за дворового в особенности.

Я подошел к ним, поздоровался и присел с ними рядом. В товарище Степушки я узнал тоже знакомого..., Михайло Савельев, по прозвищу Туман. Он проживал у Болховского чахоточного мещанина, содержателя постоянного двора, где я довольно часто останавливался. Проезжающие по большой орловской дороге молодые чиновники и другие незанятые люди (купцам, погруженным в свои полосатые перины, не до того) до сих пор еще могут заметить в недалеком расстоянии от большого села Троицкого огромный деревянный дом в два этажа, совершенно заброшенный, с провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. В полдень, в ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнее этой развалины. Здесь некогда жил граф Петр Ильич, известный хлебосол, богатый вельможа старого века. Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительном громе доморощенной музыки, трескотне бураков и римских свечей, и вероятно, не одна старушка, проезжая теперь мимо запустелых боярских палат, вздохнет и вспомнит минувшие времена и минувшую молодость. Долго пировал граф, долго расхаживал, приветливо улыбаясь, в толпе подобострастных гостей; но имения его, к несчастью, не хватило на целую жизнь. Разорившись кругом, отправился он в Петербург искать себе места и умер в номере гостиницы, не дождавшись никакого решения. Туман служил у дворецким и еще при жизни графа получил отпускную. Это был человек лет семидесяти, с лицом правильным и приятным. Улыбался он почти постоянно, как улыбаются теперь один люди екатерининского времени: добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигал и сжимал губы, ласково щурил глаза и произносил слова несколько в нос. Сморкался и нюхал табак он тоже не торопясь, словно дело делал.

Мы сидели в тени; но и в тени было душно. Тяжелый, знойный воздух словно замер; горячее лицо с тоской искало ветра, да ветра-то не было. Солнце так и било с синего, потемневшего неба; прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, кое-где проросшее полынью, и хоть бы один колос пошевелился. Немного пониже крестьянская лошадь стояла в реке по колени и лениво обмахивалась мокрым хвостом; изредка под нависшим кустом всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставив за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали в порыжелой траве; перепела кричали как бы нехотя; ястреба плавно носились над полями и часто останавливались на месте, быстро махая крылами и распутив хвост веером. Мы сидели неподвижно, подавленные жаром. Вдруг, позади нас, в овраге раздался шум: кто-то спускался к источнику. Я оглянулся и увидел мужика лет пятидесяти, запыленного, в рубашке, в лаптях, с плетеной котомкой и армяком за плечами. Он подошел к ключу, с жадностью напился и приподнялся.

- Э, Влас? – вскрикнул Туман, взглядевшись в него. – Здорово, брат. Откуда бог принес?

- Здорово, Михайла Савельич, - проговорил мужик, подходя к нам, - издалеча.

- Где пропадал? – спросил его Туман.

- А в Москву ходил, к барину.

- Зачем?

- Просить его ходил.

- О чем просить?

- Да чтоб обраку сбавил аль на барщину посадил, переселил, что ли...

Сын у меня умер, - так мне одному теперь не справиться.

- Умер твой сын?

- Умер. Покойник, - прибавил мужик, помолчав, - у меня в Москве в извозчиках жил; за меня, признаться, и оброк вносил.

- Да разве вы теперь на оброке?

- На оброке.

- Что ж твой барин?

- Что барин? Прогнал меня. Говорит, как смеешь прямо ко мне идти: на то есть приказчик; ты, говорит, сперва приказчику обязан донести... да и куда я тебя переселю? Ты, говорит, сперва недоимку за себя взнеси. Осерчал вовсе.

- Ну, что ж, ты и пошел назад?

- И пошел. Хотел было справиться не оставил ли покойник какого по себе добра, да толку не добился. Я хозяину-то его говорю: «Я, мол, Филиппов отец»; а он мне говорит: «А я почему знаю? Да и сын твой ничего, говорит, не оставил; еще у меня в долгу». Ну, я и пошел.

Мужик рассказывал нам все это с усмешкой, словно о другом речь шла; но на маленькие и съезженные его глазки наворачивалась слезинка, губы его подергивало.

А. П. ЧЕХОВ

ХАМЕЛЕОН.

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

- Так ты кусаться, окаянная! – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубашке и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

- Никак беспорядок, ваше благородие!.. – говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала – белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

- По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов, врзываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

- Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... - начинает Хрюкин, кашляя в кулак. – Насчет дров с Митрий Митричем, - и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому – я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

- Гм!.. Хорошо... - говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, нежелающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, - обращается надзиратель к городскому, - узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

- Это, кажись, генерала Жигалова! – говорит кто-то из толпы.

- Генерала Жигалова?.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

- Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

- Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах ... ежеле хотите знать...

- Не рассуждать!

- Нет, это не генеральская ... - глубокомысленно замечает городской. – У генерала таких нет. У него все больше лягавые...

- Ты это верно знаешь?

Верно, ваше благородие...

Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а это - черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только ... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

- А может быть, и генеральская ... - думает вслух городской. – На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

- Вестимо, генеральская! – говорит голос из толпы.

-Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака – нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

- Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

- Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

- И спрашивать тут долго нечего, - говорит Очумелов. – Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и все.

- Это не наша, - продолжал Прохор. – Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч ...

- Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. – Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

- В гости...

- Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад ... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха – ха – ха... Ну, чего дрожишь? Ррр...Рр... Сердится шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

- Я еще доберусь до тебя! – грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

На самом краю села Мироносицкого, в сарае старосты Прокофия расположились на ночлег запоздавшие охотники. Их было только двое: ветеринарный врач Иван Иваныч и учитель гимназии Буркин. У Ивана Иваныча была довольно странная, двойная фамилия – Чишма-Гималайский, которая совсем не шла ему, и его во всей губернии звали просто по имени и отчеству; он жил около города на конском заводе и приехал теперь на охоту, чтобы подышать чистым воздухом. Учитель же гимназии Буркин каждое лето гостил у графов П. и в этой местности давно уже был своим человеком.

Не спали. Иван Иваныч, высокий худощавый старик с длинными усами, сидел снаружи у входа и курил трубку; его освещала луна. Буркин лежал внутри на сене, и его не было видно в потемках.

Рассказывали разные истории. Между прочим, говорили о том, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и неглупая, во всю жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги, а в последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу.

- Что же тут удивительного! – сказал Буркин. – Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало. Быть может, тут явление атавизма, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще общественным животным и жил одиноко в своей берлоге, а может быть, это просто одна из разновидностей человеческого характера, - кто знает? Я не естественник и не мое дело касаться подобных вопросов; я только хочу сказать, что такие люди как Мавра, явление не редкое. Да вот, недалеко искать, месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ. Вы о нем слышали, конечно. Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый

воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые он преподавал, были для него в сущности те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни.

- О, как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищуривал глаза и, подняв палец, произносил: - Антропос!

И мысль свою Беликов также старался запрятать в футляр. Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. Когда в циркуляре запрещалось ученикам выходить на улицу после девяти часов вечера или в какой-нибудь статье запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, определено; запрещено – и баста. В запрещении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда в городе разрешали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо:

- Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло.

Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? Если кто из товарищей опаздывал на молебн, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов, или видели классную даму поздно вечером с офицером, то он очень волновался и все говорил, как бы чего не вышло. А на педагогических советах он просто угнетал нас своею осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями насчет того, что вот-де в мужской и женской гимназиях молодежь ведет себя дурно, очень шумит в классах, - ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло, - и что если б из второго класса исключить Петрова, а из четвертого – Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьем, своими темными очками на бледном, маленьком лице, - знаете, маленьком лице как у хорька, - он давил нас всех, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову балл по поведению, сажали их под арест и в конце концов исключали и Петрова, и Егорова. Было у него странное обыкновение – ходить по нашим квартирам. Придет к учителю, сядет и молчит, и как будто что-то высматривает. Посидит этак, молча, час-другой и уйдет. Это называлось у него «поддерживать добрые отношения с товарищами», и очевидно, ходить к нам и сидеть было для него тяжело, и ходил он к нам только потому, что считал это своею товарищескою обязанностью. Мы, учителя, боялись его. И даже директор боялся. Вот подите же, наши учителя народ все мыслящий,

глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина, однакоже этот человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город! Наши дамы по субботам домашних спектаклей не устраивали, боялись, как бы он не узнал; и духовенство стеснялось при нем кушать скоромное и играть в карты. Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять-пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте...

Иван Иваныч, желая что-то сказать, кашлянул, но сначала закурил трубку, поглядел на луну и потом уже сказал с расстановкой:

- Да, мыслящие, порядочные, читают и Щедрина, и Тургенева, разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели... То-то вот оно и есть.

- Беликов жил в том же доме, где и я, - продолжал Буркин, - в том же этаже, дверь против двери, мы часто виделись, и я знал его домашнюю жизнь. И дома та же история: халат, колпак, ставни, задвижки, целый ряд всяких запрещений, ограничений, и – ах, как бы чего не вышло! Постное есть вредно, а скоромное нельзя, так как, пожалуй, скажут, что Беликов не исполняет постов, и он ел судака на коровьем масле, - пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная. Женской прислуги он не держал из страха, чтобы о нем не думали дурно, а держал повара Афанасия, старика лет шестидесяти, нетрезвого и полоумного, который когда-то служил в денщиках и умел кое-как стряпать. Этот Афанасий стоял обыкновенно у двери, скрестив руки, и всегда бормотал одно и то же, с глубоким вздохом:

- Много уж их нынче развелось!

Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом. Ложась спать, он укрывался с головой; было жарко, душно, в закрытые двери стучался ветер, в печке гудело; слышались вздохи из кухни, вздохи зловещие...

И ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло, как бы его не зарезал Афанасий, как бы не забрались воры, и потом всю ночь видел тревожные сны, а утром, когда мы вместе шли в гимназию, был скучен, бледен, и было видно, что многолюдная гимназия, в которую он шел, была страшна, противна всему существу его и что идти рядом со мной ему, человеку по натуре одинокому, было тяжело.

- Очень уж шумят у нас в классах, - говорил он, как бы стараясь отыскать объяснение своему тяжелому чувству. – Ни на что не похоже.

И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре, можете себе представить, едва не женился.

Иван Иваныч быстро оглянулся в сарай и сказал:

- Шутите!

- Да, едва не женился, как это ни странно. Назначили к нам нового учителя истории и географии, некоего Коваленка Михаила Саввича, из хохлов. Приехал он не один, а с сестрой Варенькой. Он молодой, высокий,

смуглый, с громадными руками, и по лицу видно, что говорит басом, и в самом деле, голос как из бочки: бу- бу – бу...

А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая – одним словом, не девица, а мармелад, и такая разбитная, шумная, все поет малороссийские романсы и хохочет. Чуть что, так и зальется голосистым смехом: ха-ха-ха! Первое, основательное знакомство с Коваленками у нас, помню, произошло на именинах у директора. Среди суровых, напряженно скучных педагогов, которые и на именины-то ходят по обязанности, вдруг видим, новая Афродита возродилась из пены: ходит подбоченясь, хохочет, поет, пляшет... Она спела с чувством «Виют витры», потом ещё романс, и ещё, и всех нас очаровала, - всех, даже Беликова. Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь:

- Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий.

Это польстило ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! У хохлов тыквы называются кабаками, а кабаки шинками, и варят у них борщ с красненькими и с синенькими «такой вкусный, такой вкусный, что просто – ужас!»

Слушали мы, слушали, и вдруг всех нас осенила одна и та же мысль.

- А хорошо бы их поженить, - тихо сказала мне директорша.

Мы все почему-то вспомнили, что наш Беликов не женат, и нам теперь казалось странным, что мы до сих пор как-то не замечали, совершенно упускали из виду такую важную подробность в его жизни. Как вообще он относится к женщине, как он решает для себя этот насущный вопрос? Раньше это не интересовало нас вовсе; быть может, мы не допускали даже и мысли, что человек, который во всякую погоду ходит в калошах и спит под пологом, может любить.

- Ему давно уже за сорок, а ей тридцать... пояснила свою мысль директорша. – Мне кажется, она бы за него пошла.

Чего только не делается у нас в провинции от скуки, сколько ненужного, вздорного! И это потому, что совсем не делается то, что не нужно. НУ, вот, к чему нам вдруг понадобилось женить этого Беликова, которого даже и вообразить нельзя было женатым? Директорша, инспекторша и все наши гимназические дамы ожидали, даже похорошели, точно вдруг увидели цель жизни. Директорша берет в театре ложу, и смотрим – в ее ложе сидит Варенька с этаким веером, сияющая, счастливая, и рядом с ней Беликов, маленький, скрюченный, точно его из дому клещами вытащили. Я даю вечеринку, и дамы требуют, чтобы я непременно пригласил и Беликова и Вареньку. Одним словом, заработала машина. Оказалось, что Варенька не прочь была замуж. Жить ей у брата было не очень-то весело, только и знали, что по целым дням спорили и ругались. Вот вам сцена: идет Коваленко по улице, высокий, здоровый, верзила, в вышитой сорочке, чуб из-

под фуражки падает на лоб; в одной руке пачка книг, в другой толстая суковатая палка. За ним идет сестра, тоже с книгами.

- Да ты же, Михайлик, этого не читал! – спорит она громко. – Я же тебе говорю, клянусь, ты не читал же этого вовсе!

- А я тебе говорю, что читал! – кричит Коваленко, гремя палкой по тратуару.

- Ах же, боже ж мой, Минчик! Чего же ты сердишься, ведь у нас же разговор принципиальный.

- А я тебе говорю, что я читал! – кричит ещё громче Коваленко.

А дома, как кто посторонний, так и перепалка. Такая жизнь, вероятно, наскучила, хотелось своего угла, да и возраст принять во внимание; тут уж перебирать некогда, выйдешь за кого угодно, даже за учителя греческого языка. И то сказать для большинства наших барышень за кого ни выйти, лишь бы выйти. Как бы ни было, Варенька стала оказывать нашему Беликову явную благосклонность.

А Беликов? Он и к Коваленку ходил так же, как к нам. Придет к нему, сядет и молчит, а Варенька поет ему «Виют витры», или глядит на него задумчиво своими темными глазами, или вдруг зальется:

- Ха-ха-ха!

В любовных делах, а особенно в женитьбе, внушение играет большую роль. Все – и товарищи, и дамы – стали уверять Беликова, что он должен жениться: все мы поздравляли его, говорили с важными лицами разные пошлости, вроде того-де, что брак есть шаг серьезный; к тому же Варенька была недурна собой, интересна, она была дочь статского советника и имела хутор, а главное, это была первая женщина, которая отнеслась к нему ласково, сердечно, - голова у него закружилась, и он решил, что ему в самом деле нужно жениться.

- Вот тут бы и отобрать у него калоши и зонтик, - проговорил Иван Иваныч.

- Представьте, это оказалось невозможным. Он поставил у себя на столе портрет Вареньки и все ходил ко мне и говорил о Вареньке, о семейной жизни, о том, что брак есть шаг серьезный, часто бывал у Коваленков, но образа жизни не изменил нисколько. Даже наоборот, решение жениться подействовало на него как-то болезненно, он похудел, побледнел и, казалось, еще глубже ушел в свой футляр.

- Варвара Саввишна мне нравится, - говорил он мне со слабой кривой улыбочкой, - и я знаю, жениться необходимо каждому человеку, но... все это, знаете ли, произошло как-то вдруг... Надо подумать.

- Что же тут думать? – говорю ему. – Женитесь, вот и все.

- Нет, женитьба – шаг серьезный, надо сначала взвесить предстоящие обязанности, ответственность... чтобы потом чего не вышло. Это меня так беспокоит, я теперь все ночи не сплю. И, признаться, я боюсь: у нее с братом какой-то странный образ мыслей, рассуждают они как-то, знаете ли, странно,

и характер очень бойкий. Женишься, а потом, чего доброго, попадешь в какую-нибудь историю.

Ион не делал предложения, все откладывал, к великой досаде директорши и всех наших дам; все взвешивал предстоящие обязанности и ответственность, и между тем почти каждый день гулял с Варенькой, быть может думал, что это так нужно в его положении, и приходил ко мне, чтобы поговорить о семейной жизни. И, по всей вероятности, в конце концов он сделал бы предложение, и совершился бы один из тех ненужных, глупых браков, каких у нас от скуки и от нечего делать совершаются тысячи, если бы вдруг не произошел kollossalische Scandal. Нужно сказать, что брат Вареньки Коваленко, возненавидел Беликова с первого же дня знакомства и терпеть его не мог.

- Не понимаю, - говорил он нам, пожимая плечами, - не понимаю, как вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эх, господа, как вы можете тут жить! Атмосфера у вас удушающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы чиновники, у вас не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной воняет, как в полицейской будке. Нет, братцы, проживу с вами еще немного и уеду к себе на хутор и буду там раков ловить и хохлят учить. Уеду, а вы оставайтесь тут со своим Иудой, нехай вин лопне.

Или он хохотал, хохотал до слез, то басом, то тонким писклявым голосом, и спрашивал меня, разводя руками:

- Шо он у меня сидить? Шо ему надо? Сидить и смотреть.

Он даже название дал Беликову «глитай абож паук». И, понятно, мы избегали говорить с ним о том, что сестра его Варенька собирается за «абож паука». И когда однажды директорша намекнула ему, что хорошо бы пристроить его сестру за такого солидного, всеми уважаемого человека, как Беликов, то он нахмурился и проворчал:

- Не мое это дело. Пускай она выходит хоть за гадюку, а я не люблю в чужие дела мешаться.

Теперь слушайте, что дальше. Какой-то проказник нарисовал карикатуру: идет Беликов в калошах, в подсученных брюках, под зонтом, и с ним под руку Варенька; внизу подпись «влюбленный антропос». Выражение схвачено, понимаете ли, удивительно. Художник, должно быть, проработал не одну ночь, так как все учителя мужской и женской гимназий, учителя семинарии, чиновники, - все получили по экземпляру. Получил и Беликов. Карикатура произвела на него самое тяжелое впечатление.

Выходим мы вместе из дому, - это было как раз первое мая, воскресенье, и мы все, учителя и гимназисты, условились сойтись у гимназии и потом вместе идти пешком за город в рощу, - выходим мы, а он зеленый, мрачнее тучи.

- Какие есть нехорошие, злые люди! - проговорил он, и губы у него задрожали.

Мне даже жалко его стало. Идем, и вдруг, можете себе представить, катит на велосипеде Коваленко, а за ним Варенька, тоже на велосипеде, красная, заморенная, но веселая, радостная.

- А мы, - кричит она, - вперед едем! Уже ж такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужас!

И скрылись оба. Мой Беликов из зеленого стал белым и точно оцепенел. Остановился и смотрит на меня...

- Позвольте, что же это такое? – спросил он. – Или, быть может, меня обманывает зрение? Разве преподавателям гимназии и женщинам прилично ездить на велосипеде?

- Что же тут неприличного? – сказал я. – И пусть катаются себе на здоровье.

- Да как же можно? – крикнул он, изумляясь моему спокойствию. – Что вы говорите?!

И он был так поражен, что не захотел идти дальше и вернулся домой.

На другой день он все время нервно потирал руки и вздрагивал, и было видно по лицу, что ему нехорошо. И с занятий ушел, что случилось с ним в первый раз в жизни. И не обедал. А под вечер оделся потеплее, хотя на дворе стояла совсем летняя погода, и поплелся к Коваленкам. Вареньки не было дома, застал он только брата.

- Садитесь, покорнейше прошу, - проговорил Коваленко холодно и нахмурил брови; лицо у него было заспанное, он только что отдыхал после обеда и был сильно не в духе.

Беликов посидел молча минут десять и начал:

- Я к вам пришел, чтоб облегчить душу. Мне очень, очень тяжело. Какой-то посквилянт нарисовал в смешном виде меня и еще одну особу, нам обоим близкую. Считаю долгом уверить вас, что я тут ни при чем... Я не подавал никакого повода к такой насмешке, - напротив же, все время вел себя как вполне порядочный человек.

Коваленко сидел, надувшись, и молчал. Беликов подождал немного и продолжал тихо, печальным голосом:

- И ещё я имею кое-что сказать вам. Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгом, как старший товарищ, предостеречь вас. Вы катаетесь на велосипеде, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества.

- Почему же? – спросил Коваленко басом.

- Да разве тут надо еще объяснять, Михаил Саввич., разве это не понятно? Если учитель едет на велосипеде, то что же остается ученикам? Им остается только ходить на головах! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидел вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах. Женщина или девушка на велосипеде – это ужасно!

-Что же собственно вам угодно?

- Мне угодно только одно – предостеречь вас, Михаил Саввич. Вы – человек молодой, у вас впереди будущее, надо вести себя очень, очень

осторожно, вы же так манкируете, ох, как вы манкируете! Вы ходите в вышитой сорочке, постоянно на улице с какими –то книгами, а теперь вот еще велосипед. О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипеде, узнает директор, потом дойдет до попечителя... Что же хорошего?

- Что я и сестра катаемся на велосипеде, никому нет до этого дела! – сказал Коваленко и побагровел. – А кто будет вмешиваться в мои домашние и семейные дела, того я пошлю к чертям собачьим.

Беликов побледнел и встал.

- Если вы говорите со мной таким тоном, то я не могу продолжать, - сказал он. – И прошу вас никогда так не выражаться в моем присутствии о начальниках. Вы должны с уважением относиться к властям.

- А разве я говорил что дурное про властей? – спросил Коваленко, глядя на него со злобой. – Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я честный человек и с таким господином, как вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискалов.

Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это первый раз в жизни он слышал такие грубости.

- Можете говорить, что вам угодно, - сказал он, выходя из передней на площадку лестницы. – Я должен только предупредить вас: быть может, нас слышал кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я должен буду доложить господину директору содержание нашего разговора... в главных чертах. Я обязан это сделать.

- Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами. Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно, встал и потрогал себя за нос: целы ли очки? Но как раз в то время, когда он катился по лестнице, вошла Варенька и с нею две дамы; они стояли внизу и глядели – и для Беликова это было ужаснее всего. Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем: ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя, - ах, как бы чего не вышло! – нарисуют новую карикатуру, и кончится все это тем, что прикажут подать в отставку...

Когда он поднялся, Варенька узнала его и, глядя на его смешное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, в чем дело, полагая, что это он упал сам нечаянно, не удержалась и захохотала на весь дом:

- Ха-ха-ха!

И этим раскатистым, залихватным «ха-ха-ха» завершилось все: и сватовство, и земное существование Беликова. Уже он не слышал, что говорила Варенька, и ничего не видел. Вернувшись к себе домой, он прежде всего убрал со стола портрет, а потом лег и уже больше не вставал.

Дня через три пришел ко мне Афанасий и спросил, не надо ли послать за доктором, так как-де с барином что-то делается. Я пошел к Беликову. Он лежал под пологом, укрытый одеялом, и молчал; спросишь его, а он только

да или нет – и больше ни звука. Он лежит, а возле бродит Афанасий, мрачный, нахмуренный, и вздыхает глубоко; а от него водкой, как из кабака.

Через месяц Беликов умер. Хоронили мы его все, то есть обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что, наконец, его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала! И как бы в честь его во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтами. Варенька тоже была на похоронах и, когда гроб опускали в могилу, всплакнула. Я заметил, что хохлушки только плачут или хохочут, среднего же настроения у них не бывает.

Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, - чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?

Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!

- То-то вот оно и есть, - сказал Иван Иваныч и закурил трубку.

- Сколько их еще будет! – повторил Буркин.

Учитель гимназии вышел из сарая. Это был человек небольшого роста, толстый, совершенно лысый, с черной бородой чуть не по пояс; и с ним вышли две собаки.

- Луна-то, луна! – сказал он, глядя вверх.

Была уже полночь. Направо видно было все село, длинная улица тянулась далеко, верст на пять. Все было погружено в тихий, глубокий сон; ни движения, ни звука, даже не верится, что в природе может быть так тихо. Когда в лунную ночь видишь широкою сельскую улицу с ее избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо; в этом своем покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звезды смотрят на нее ласково и с умилением, и что зла уже нет на земле и все благополучно. Налево с края села начиналось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, тоже ни движения, ни звука.

- То-то вот оно и есть, - повторил Иван Иваныч. – А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве

это не футляр; Вот, если желаете, то я расскажу вам одну очень поучительную историю.

- Нет, уже пора спать, - сказал Буркин. – До завтра.

Оба пошли в сарай и легли на сене. И уже оба укрылись и задремали, как вдруг послышались легкие шаги: туп, туп... Кто-то ходил недалеко от сарая; пройдет немного и остановится, а через минуту опять: туп, туп... Собаки заворчали.

- Это Мавра ходит, - сказал Буркин.

Шаги затихли.

- Видеть и слышать, как лгут, - проговорил Иван Иваныч, поворачиваясь на другой бок, - и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не смей открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, - нет, больше жить невозможно!

- Ну, уж это вы из другой оперы, Иван Иваныч, - сказал учитель. – Давайте спать.

И минут через десять Буркин уже спал. А Иван Иваныч все ворочался с боку на бок и вздыхал, а потом встал, опять вышел наружу и, севши у дверей, закурил трубочку.

ДАЧНИКИ

По дачной платформе взад и вперед прогуливалась парочка недавно поженившихся супругов. Он держал ее за талию, а она жалась к нему, и оба были счастливы. Из-за облачных обрывков глядела на них луна и хмурилась: вероятно, ей было завидно и досадно на свое скучное, никому ненужное девство. Неподвижный воздух был густо насыщен запахом сирени и черемухи. Где-то, по ту сторону рельсов, кричал коростель...

- Как хорошо, Саша, как хорошо! – говорила жена. – Право, можно подумать, что все это снится. Ты посмотри, как уютно и ласково глядит этот лесок! Как милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы! Они, Саша, оживляют ландшафт и говорят, что там, где-то, есть люди... цивилизация... А разве тебе не нравится, когда до твоего слуха ветер слабо доносит шум идущего поезда?

- Да... Какие, однако, у тебя руки горячие! Это оттого, что ты волнуешься, Варя... Что у нас сегодня к ужину готовили?

- Окрошку и цыпленка... Цыпленка нам на двоих довольно. Тебе из города привезли сардины и балык.

Луна, точно табаку понюхала, спряталась за облако. Людское счастье напомнило ей об ее одиночестве, одинокой постели за лесами и долами...

- Поезд идет! – сказала Варя. – Как хорошо!

Вдали показались три огненные глаза. На платформу вышел начальник полустанка. На рельсах там и сям замелькали сигнальные огни.

- Проводим поезд и пойдем домой, - сказал Саша и зевнул. – Хорошо нам с тобой живется, Варя, так хорошо, что даже невероятно!

Темное страшилище бесшумно подползло к платформе и остановилось. В полуосвещенных вагонных окнах замелькали сонные лица, шляпки, плечи...

- Ах! Ах! – послышалось из одного вагона. – Варя с мужем вышла нас встретить! Вот они! Варенька!.. Варечка! Ах!

Из вагона выскочили две девочки и повисли на шее у Вари. За ними показались полная, пожилая дама и высокий, тощий господин с седыми бачками, потом два гимназиста, навьюченные багажом, за гимназистами гувернантка, за гувернанткой бабушка.

- А вот и мы, а вот и мы, дружок! – начал господин с бачками, пожимая Сашину руку. – Чай, заждался! Небось бранил дядю за то, что не едет! Коля, Костя, Нина, Фифа... дети! Целуйте кузена Сашу! Все к тебе, всем выводком, и денька на три, на четыре. Надеюсь, не стесним? Ты, пожалуйста, без церемонии.

Увидев дядю с семейством, супруги пришли в ужас. Пока дядя говорил и целовался, в воображении Саши промелькнула картина: он и жена отдают гостям свои три комнаты, подушки, одеяла; балык, сардины и окрошка съедаются в одну секунду, кузены рвут цветы, проливают чернила, галдят, тетушка целые дни толкует о своей болезни (солитер и боль под ложечкой) и о том, что она урожденная баронесса фон Финтих...

И Саша уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену и шептал ей:

- Это они к тебе приехали... черт бы их побрал!

- Нет, к тебе! – отвечала она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой. – Это не мои, а твои родственники!

И, обернувшись к гостям, она сказала с приветливой улыбкой:

- Милости просим!

Из-за облака опять выплыла луна. Казалось, она улыбалась; казалось, ей было приятно, что у нее нет родственников. А Саша отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и сказал, придавая голосу радостное, благодушное выражение:

- Милости просим! Милости просим, дорогие гости!

ВАНЬКА

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкафа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ, по обе стороны которого тянулись полки с

колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! – писал он. – И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплескивает руками, пожимается от холода и, старчески хихикая, щиплет то горничную, то кухарку.

- Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливаясь веселым смехом и кричит:

- Отдирай, примерзло!

Дают понюхать табаку и собакам. Каштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом...

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей,

то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривал рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть, - продолжал он, - богу молиться, а если что, то секи меня как сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой. Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не хотят и на клирос петь никого не пускают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мнезолоченый орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатъевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Веселое было время! И дед крикал, и мороз крикал, а глядя на них, и Ванька крикал. Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать? Откуда ни возьмись по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтоб не крикнуть:

- Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатъевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатъевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка, - продолжал Ванька. — Христом-богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать

нельзя, все плачу. А наемни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка, приезжай».

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке.

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускают в почтовые ящики, а из ящичков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

ЮРИЙ НАГИБИН

ЭХО

...Синегория,* берег, пустынный в послеполуденный час, девчонка, возникшая из моря... Этому без малого тридцать лет!

Я искал камешки на диком пляже. Накануне штормило, волны, шипя, переползали пляж до белых стен приморского санатория. Сейчас море стихло, ушло в свои пределы, обнажив широкую, шоколадную, с синим отливом, полосу песка, отделённую от берега валиком гальки. Этот песок, влажный и такой твёрдый, что на нём не отпечатывался след, был усеян сахарными голышами, зелёно-голубыми камнями, гладкими, округлыми стекляшками, похожими на обсосанные леденцы, мёртвыми крабами, гнилыми водорослями, издававшими едкий йодистый запах. Я знал, что большая волна выносит на берег ценные камешки, и терпеливо, шаг за шагом, обследовал песчаную отмель и свежий намыв гальки.

- Эй, чего на моих трусиках расселся? – раздался тоненький голос.

Я поднял глаза. Надо мной стояла голая девчонка худая, ребрастая, с тонкими руками и ногами. Длинные мокрые волосы облепили лицо, вода сверкала на её бледном, почти не тронутым загаром теле, с пупырчатой проголубью от холода.

Девчонка убрала за уши мокрые волосы, открыв тоненькое, в тёмных крапинках лицо, зелёные кошачьи глаза, вздёрнутый нос и огромный, до ушей, рот, и стала рассматривать камешки.

- А ты ничего...- сказала девчонка и засмеялась своим большим ртом. – Я тебе скажу по секрету, я тоже собираю...

- Чего?

- Эхо... У меня уже много собрано. Есть эхо звонкое, как стекло, есть, как медная труба, есть трёхголосое, а есть горохом сыплется,ещё есть...

- Ладно врать-то! – сердито перебил я.

Зелёные, кошачьи глаза так и впились в меня.

- Хочешь, покажу?

- Ну, хочу...

- Только тебе, больше никому. А тебя пустят? Придётся на Большое седло лезть.

- Пустят!

- Так завтра с утра и пойдём. Ты где живёшь?

- На Приморской, у болгар.

- А мы у Тараканихи.

...Утро было солнечное, безветренное, но не жаркое. Море после шторма всё ещё дышало холодом и не давало солнцу накалить воздух. Когда же на солнце наплывало папиросным дымком толстое облачко, снимая с гравия дорожек, белых стен и черепичных крыш слепящий южный блеск, простор угрюмел, как перед долгой непогодью, а холодный ток с моря разом усиливался.

Тропинка, ведущая на Большое седло, вначале петляла среди невысоких холмов, затем прямо и сильно тянула вверх, сквозь густой, пахучий ореховый лес. Её прорезал неглубокий, усеянный камнями жёлоб, русло одного из тех бурных ручьёв, что низвергаются с гор после дождя, рокоча и звеня на всю округу, но иссякают быстрее, чем высохнут дождевые капли на листьях орешника.

Мы отмахали уже немалую часть пути, когда я решил узнать имя моей приятельницы.

- Эй! – крикнул я жёлто-синим трусикам, бабочкой мелькавшим в орешнике. – а как тебя зовут?

Девчонка остановилась, я поравнялся с ней. Ореховая заросль тут редела, расступалась, открывая вид на бухту и наш посёлок - жалкую горсточку домишек. Огромное, серьёзное море простиралось до горизонта водой, а за ним – туманными, мутно-синими полосами, наложенными в небе одна над другой. А в бухте оно притворялось кротким и маленьким, играя, протягивало вдоль кромки берега белую нитку, скусывало её и вновь протягивало...

- Не знаю даже, как тебе сказать, - задумчиво проговорила девчонка. – Имя у меня дурацкое – Викторина, а все зовут Витькой.

- Можно Викой звать.

- Тьфу, гадость! – она знакомо обнажила острые клычки.

- Почему? Вика – это дикий горошек.

- Его ещё мышинным зовут. Терпеть не могу мышей!

- Ну, Витька так Витька, а меня – Серёжа. Нам ещё далеко?

- Выдохся? Вот лесника пройдем, а там уже и Большое седло видно.

Но мы ещё долго петляли терпкр-медвяно-душным орешником. Наконец тропинка раздалась в каменистую дорогу, бело сверкающую тонким, как сахарная пудра, песком, и вывела нас на широкий, пологий уступ. Тут, в гуще абрикосовых деревьев, ютилась сложенная из ракушечника сторожка лесничего.

И опять мы петляем орешником по ниточно сузившейся тропе. Тут орешник не такой густой, как внизу, многие кусты посохли, на других листья изъедена в паутину мелким, блестящим, чёрным жучком.

Я устал и злился на Витьку. Она знай себе вышагивала своими тонкими, прямыми, как палки, ногами с чуть скошенными во внутрь коленками. Но впереди вдруг просветлело, я увидел склон, поросший низкой бурой травой, вдалеке тянулась кверху серая скала.

- Чёртов палец! – на ходу бросила Витька.

Мы подошли вплотную к Чёртову пальцу, и Витька понизив голос, сказала:

- Вот тут. – Она сделала несколько шагов назад негромко крикнула: - Серёжа!..

«Серёжа...» - повторил мне в самое ухо насмешливо-вкрадчивый голос, будто родившийся в недрах Чёртова пальца.

Я вздрогнул и невольно шагнул прочь от сказалы; тут навстречу мне, от моря, звонко плеснуло:

«Серёжа!..»

- Вот чёрт! – сдавленным голосом произнёс я.

«Вот чёрт!..» - прошелестело над ухом.

«Чёрт!..» -дохнуло с моря.

«Чёрт!..» - отозвалось в выси.

В каждом из этих незримых пересмешников чувствовался стойкий и жутковатый характер: шептун был злобно-вкрадчивым тихоней; в выси скрывался безутешный и лицемерный плакальщик.

- Ну чего ты?.. Крикни что-нибудь! – сказала Витька.

С трудом, пересилив себя, я крикнул:

- Синегория!

И услышал трёхголосый отклик...

Я кричал, говорил, шептал ещё много всяких слов.

У эха был острейший слух. Некоторые слова я произносил так тихо, что сам едва слышал их, но они неизменно находили отклик. Я уже не испытывал ужаса, но всякий раз, когда невидимый шептал мне на ухо, у меня холодел позвоночник, а от рыдающего голоса сжималось сердце.

- До свидания! - сказала Витька и пошла прочь от Чёртова пальца.

Я устремился за ней, но шёпот настиг меня, прошелестев ядовито-вкрадчиво слова прощания, и хохотнула морская даль, и голос сверху застонал:

«До свидания!..»

Мы шли в сторону моря и вскоре оказались на каменистом выступе, нависшем над пропастью. Справа и слева вздымались отроги гор, а под нами зияла бездна, в которой тонул взгляд. Если бы за собой такую вот огромную, страшную дыру. В глубине провала торчали острые, ослизлые скалы, похожие на клыки великана.

Витька легла на живот у самого края обрыва и поманила меня. Я распластался возле неё на твёрдой и тёплой каменистой глади, и сосущая, леденящая притягательность бездны исчезла, стало совсем легко смотреть вниз. Витька наклонилась над обрывом и крикнула:

- Ого-го!..

Миг тишины, а затем густой, рокочущий голос трубно прогремыхал:

«О-го-го-у!..»

В голосе этом не было ничего страшного, несмотря на силу его и густоту. Видимо, в пропасти обитал добрый великан, не желавший нам зла.

Витька спросила:

- Кто была первая дева?

И великан, немного подумав, отозвался со смехом: «Ева!..»

Мне ещё хотелось поговорить с ним, но Витька потащила меня дальше.

Новое эхо – по словам Витьки, «звонкое, как стекло», - гнездилось в узком, будто надрез ножа, ущелье. У эха был тонкий, пронзительный голос.

Даже басом сказанное слова оно истончало до визга. И что ещё противно: провизжав ответ, эхо не замолкало, а ещё долго протискивало мышью в каких-то своих щелях.

Мы не стали задерживаться у расщелины и пошли дальше. Теперь нам пришлось карабкаться вверх по крутому склону, то голому, полированно-скользкому. Из-под наших ног и рук осыпались камешки, увлекали за собой более крупные камни, позади нас творился непрерывный грохот. Когда я оглянулся, то подивился малости той высоты, которая кружила нам голову на обрыве.

Витька остановилась у полукруглого тёмного провала, ведущего в глубь горы. Я заглянул туда и, когда глаза несколько привыкли к темноте, увидел сводчатую пещеру с длинными бородами каменных сосулук.

- Здравствуй! – крикнула Витька, сунув голову в дыру.

И будто заухали, сталкиваясь, пустые бочки, под сводом тяжело отдавалось: «бом», дребезжало по углам и низким охом, наконец, вырвалось наружу, словно сама гора испустила дух.

С почтительным изумлением глядел я на Витьку. Худая, крапчатая, с трёпаными, сивыми волосами, острыми клычками в углах губ, с зелёными блестящими глазами, она сама казалась мне сейчас такой же сказочной, как и сокровенный мир, в который она ввела меня.

- А ну крикни! – приказала Витька.

Я наклонился и «ахнул» в маленький чёрный рот горы. И опять там заухало, заверещало, а затем дохнуло мне в лицо нездешним, гнилостным холодом. Ужасное одиночество охватило меня вдруг, одиночество и беззащитность посреди этого каменистого, отвесного, из круч и падей, мира, населенного загадочными, дикими голосами.

- Пойдём, - сказал я Витьке, выдавая своё смятение. – Пойдём отсюда!

Мы подружились с Витькой. Вместе облазали Темрюк-каю и гору Свадебную, и на Свадебной, в гротике нашли квакающее эхо. А вот Темрюк-кая, с её отрогами, мощными склонами и остро вонзающейся в небо вершиной, оказалось совсем бесплодной.

Мы почти не расставались. Я привык к тому, что Витька купается голая, она была добрым малым, товарищем, и я совсем не видел в ней девчонки. Смутно я понимал природу её нестыдливости: Витька считала себя безнадежно уродливой. Я никогда не встречал человека, который бы так просто, открыто, с таким ясным достоинством признавался в своей некрасивости.

Однажды мы купались неподалёку от рыбацкой пристани, когда с высокого берега посыпала ватага мальчишек. Я немного знал их, но мои робкие попытки сблизиться с ними ни к чему не привели. Эти ребята непервый год отдыхали в Синегории, считали себя старожилками и не допускали чужаков в свою ватагу. Коноводом у них был высокий, сильный мальчик Игорь.

Я уже вышел из моря и, стоя на берегу, вытирался полотенцем, а Витька продолжала резвиться в воде. Подкараулив волну, она высоко подпрыгивала и перекатывалась на животе через гребень.

Ребята небрежно ответили на моё приветствие и хотели уже пройти мимо, как вдруг один из них, в красных плавках, заметил Витьку.

- Ребята, смотрите, голая девчонка!

Тут пошла потеха: крики, свист, улюлюканье.

Надо отдать должное Витьке: она не обращала внимания на выходки мальчишек, но это лишь подливало масло в огонь.

Подошёл Игорь и уселся на песок у самой кромки берега. Мальчик в красных плавках без слов понял своего жоака и опустился рядом, остальные ребята последовали их примеру. Они цепочкой отрезали Витьку от берега, одежды и полотенца.

Витька долго испытывала их терпение. Она то уплывала далеко в море, то возвращалась назад, ныряла, барахталась в воде, затем сидела на подводном камне, накатывая на себя реками волны. Но холод наконец взял своё.

- Серёжа! – крикнула Витька. – Дай мне трусики!

Всё это время я, сам того не замечая, вытирался а я всё тёр и тёр посуху, будто хотел протереть себя до дыр. В жалкой и унижительной растерянности, владевшей мной, билось лишь одно отчётливое желание: только бы остаться непричастным к Витькиному позору.

- Серёжа, подай своей даме трусики! – шутовским голосом пропищал мальчишка в красных плавках.

Повернувшись на локте, Игорь сказал мне с угрозой:

- Попробуй только!

Напрасное предупреждение: я и так бы не двинулся с места. Витька поняла, что ей нечего ждать от меня помощи. Жалко скорчившись, свем телом запав в худенький свой живот и закрывая его руками, лиловая и пупырчатая от холода, с покривившимся лицом, вылезла она из воды и бочком побежала к своим трусикам под хохот и свист мальчишек. То, чему она в чистоте своей душе не придавала значения, предстало перед ней гадким, унижительным, стыдным.

Прыгая на одной ноге и всё не попадая другой в кольцо трусиков, она кое-как оделась, подхватила с земли полотенце и побежала прочь. Вдруг она обернулась и крикнула мне:

- Трус!.. Трус!.. Жалкий трус!..

Из всех слов Витька выбрала самое злое, обидное и несправедливое. Должна же она была понять, что не кулаков Игоря я испугался. Но ей, видимо, хотелось вконец опозорить меня перед ребятами.

Не знаю, был ли то каприз жоака, не желающего идти на поводу у стаи, или что-то заинтересовало Игоря в Витьке, но только он вдруг спросил меня дружелюбно и доверчиво:

- Слушай, она что – чумовая?

- Конечно, чумовая! – подался я весь навстречу этой доброте.

- А чегшо ты с ней водишься?

Вовсе не для того, чтобы обелить Витьку, лишь желая выгородить себя, я сказал:

- С ней интересно, она эхо собирает.

- Чего? – удивился Игорь.

В низком порыве благодарной откровенности я тут же выложил все Витькины секреты.

- всё! – властно сказал Игорь, вновь становясь вожаком. – Завтра поведёшь нас туда!

С утро моросило, горы затянуло сизо-белыми, как бы мыльными облаками, к угрюмому шуму побуревшего, цвета горной травы, моря примешивался рокот набухших ручьёв и речек.

Но ватага Игоря решила не отступать. И вот снова вьётся под ногой теперь уже знакомая тропка, а посреди неё, перекатывая гальку, бежит мутный, жёлтый ручеёк.

Чёртов палец, затянутый облаками, долго не показывался, затем в недостижимой выси прочернула его вершина, скрылась, на миг обнажился во весь рост его ствол и вмиг истаял в клубящемся воздухе. Странно, ветер рвал к морю, а лёгкие, как пар изо рта, облака тянулись с моря.

- Ну, подавай свои чудеса в решете, - без улыбки сказал Игорь.

- Слушайте! – произнёс я торжественно, чувствуя, как знакомо холодеют косточки хребта, сложил ладони в рупор и закричал:

- Ого-го!..

В ответ – тишина, ни зловеще-вкрадчивого шёпота, ни хохочущего всплеска с моря, ни жалобы в выси.

- Ого-го! – крикнул я ещё раз, подступив ближе к Чёртову пальцу, и све ребята вразной подхватили мой возглас.

Чёртов палец молчал. Мы кричали и ещё, и ещё, и хоть бы малейший отзвук! Тогда я кинулся к пропасти – ребята за мной – и что было мочи заорал в клубящуюся глубь. Но и великан не отозвался.

В растерянности я заметался от пропасти к Чёртову пальцу, от Чёртова пальца к расщелине, и снова к пропасти, и снова к Чёртову пальцу. Но горы безмолвствовали...

Я жалко стал уговаривать ребят подняться наверх, к пещере, уж там-то мы наверняка услышим эхо. Ребята стояли передо мной, молчаливые и суровые, как горы; потом Игорь разжал губы, чтобы сказать одно только слово:

- Трепач!

И, круто повернувшись, он пошёл прочь, увлекая за собой всю ватагу.

Наступили печальные дни. Витьку я потерял, и даже мама осудила меня. Когда я рассказал ей загадочную историю с эхом, мама смерила меня долгим, чуждым, изучающим взглядом и сказала невесело:

- Всё очень просто: горы отзываются только чистым и честным...

Её слова открыли мне многое, но не загадку горного эха.

Дожди не прекращались, море как бы поделилось на две части: в бухте оно было мутно-жёлтым от песка, наносимого реками и ручьями, в отдалении блистало чистым телом.

Непрестанно дул ветер.

Несколько раз я мельком видел Витьку. Она ходила на море в любую погоду и сумела набрать от скудного, редкого солнца густой, шоколадный загар. От тоски и одиночества я каждый день сопровождал теперь маму на базар, где шла торговля местными продуктами: овощами, абрикосами, козьим молоком, варенцом. Раз я повстречал на базаре Витьку. Она была одна, на руке у неё висела плетёная сумка. Я смотрел, как она ходит среди лотков и бидонов в своих жёлто-синих трусиках, решительно отбирает помидоры, сама шлёпает на весы шматок мяса, и с болью чувствовал, что потерял хорошего друга.

Утром, в первый солнечный день, я бродил по саду, подбирая палые, с мягкой гнильцой абрикосы, когда кто-то окликнул меня. У калитки стояла девочка в белой кофточке с синим матросским воротником и синей юбке. Это была Витька, но я не сразу её узнал. Её сивые волосы были гладко причёсаны и назади повязаны ленточкой, на загорелой шее ниточка коралловых бус, на ногах туфли из лосиной кожи. Я бросился к ней.

- Слушай, мы уезжаем, - сказала Витька.

- Почему?

- Маме тут надоело... Вот что, я хочу оставить тебе свою коллекцию. Мне она всё равно ни к чему, а ты покажешь ребятам и помиришься с ними.

- Никому я не покажу! – горячо воскликнул я.

- Как хочешь, пусть она останется у тебя. Ты догадался, почему у вас ничего не вышло?

- А ты откуда знаешь, что не вышло?

- Слышала... Так догадался?

- Нет...

- Понимаешь, самое главное, это с какого места кричать. – Витька доверительно понизила голос. – У Чёртова пальца- только со стороны моря. А ты, наверное, кричал с другой стороны, там никакого эха нету. В пропасти надо свеситься вниз и кричать прямо в стенку. Помнишь, я тогда тебе голову нагнула?.. В расщелине ори в самую глубину, чтобы голос дальше ушёл. А вот в пещере всегда отзовется, только вы туда не дошли. И у камней тоже...

- Витька!.. – начал я покаянно.

Ей тонкое лицо скривилось.

- Я побегу, а то автобус уйдёт...

- Мы увидимся в Москве?

Витька мотнула головой.

- Мы же из Харькова.

- А сюда вы ещё приедете?

- Не знаю... Ну, пока! – Витька смущённо склонила голову к плечу и побежала прочь.

У калитки стояла моя мама и долгим, пристальным взглядом глядела вслед Витьке.

- Кто это? – как-то радостно спросила мама.

- Да Витька, она у Тараканихи живёт.

- Какое прелестное существо! – глубоким голосом сказала мама.

- Да нет, это Витька!..

- Я не глухая...- Мама опять посмотрела в сторону, куда убежала Витька. – Ах, какая чудесная девчонка! Этот вздёрнутый нос, пепельные волосы, удивительные глаза, точёная фигурка, узкие ступни, ладони...

Автобус ещё не ушёл, последние пассажиры, нагруженные сумками и чемоданами, штурмовали двери. Я сразу увидел Витьку с той стороны, где не открывались окна. Рядом с ней сидела полная черноволосая женщина в красном платье, её мать.

Витька тоже увидела меня и ухватила за поручни рамы, чтобы открыть окно. Мать что-то сказала ей и тронула за плечо, верно желая усадить Витьку на место. Резким движением Витька смахнула её руку.

Автобус взревел мотором и медленно пополз по немощёной дороге, растянув за собой золотистый хвост пыли. Я пошёл рядом. Закусив губу, Витька рванула поручни, и рама со стуком упала вниз. Мне легче было считать Витьку красивой заглазно: острые клычки и тёмные крапинки, раскиданные по всему лицу, портили тот пересозданный мамой образ, в который я уверовал.

- Слушай, Витька, - быстро заговорил я, - сказала, что ты красивая! У тебя красивые волосы, глаза, рот, нос...- автобус прибавил скорость, я побежал, - руки, ноги! Правда же, Витька!..

Витька только улыбнулась своим большим ртом радостно, доверчиво, преданно, открыв в этой большой улыбке всю свою хорошую душу, и тут я своими глазами увидел, что Витька, и верно самая красивая девчонка на свете...

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

ДЖАМИЛЯ

(отрывок)

... В соседнем дворе, или, как называют его в аиле, в Малом доме, живут наши близкие родственники. Не то наши прадеды, не то наши прапрадеды были родными братьями, но я называю их близкими потому, что жили мы одной семьей. Так повелось у нас ещё с времен кочевья, когда деды наши вместе разбивали стойбища, вместе гуртовали скот. Эту традицию сохранили и мы. Когда в аил пришла коллективизация, отцы наши построились по соседству. Да и не только мы, а вся Аральская улица, протянувшаяся вдоль аила в междуречье, - наши одноплеменники, все мы из одного рода.

Вскоре после коллективизации умер хозяин Малого дома. Жена его осталась с двумя малолетними сыновьями. По старому обычаю родового адата, которого тогда ещё придерживались в аиле, нельзя отпускать на сторону вдову с сыновьями, и наши одноплеменники женили на ней моего отца. К этому его обязывал долг перед духами предков: ведь он доводился покойному самым близким родственником.

Так появилась у нас вторая семья. Малый дом считался самостоятельным хозяйством: со своей усадьбой, со своим скотом, но, по существу, мы жили вместе.

Малый дом тоже проводил в армию двух сыновей. Старший, Садык, ушел вскоре после того, как женился. От них мы получали письма, правда, с большими перерывами.

В Малом доме остались мать, которую я называл «кичи-апа» - младшей матерью, и ее невестка – жена Садыка. Обе они с утра до вечера работали в колхозе. Моя младшая мать, добрая, покладистая, безобидная женщина, в работе не отставала от молодых, будь то рытье арыков или полив, - словом, прочно держала в руках кетмень. Судьба словно в награду послала ей работающую невестку. Джамия была под стать матери - неутомимая, сноровистая, только вот характером немного иная.

Я горячо любил Джамилю. И она любила меня. Мы очень дружили, но не смели друг друга называть по имени. Будь мы из разных семей, я бы, конечно, звал её Джамия. Но я называл ее «джене», как жену старшего брата, а она меня – «Кичине бала» - маленьким мальчиком, хотя я вовсе не был маленьким, и разница у нас в годах совсем невелика. Но так уже заведено в аиле: невестки называют младших братьев мужа «Кичине бала» или «мой кайни».

... Я нисколько не сомневался, что Джамия управится с пароконной бричкой. Лошадей она знала, ведь Джамия - дочь табунщика из горного аила Бакаир. Наш Садык тоже был табунщиком. Однажды весной на скачках он будто не сумел догнать Джамилю. Кто его знает, правда ли, но говорили, что после этого оскорбленный Садык похитил ее. Другие, впрочем, утверждали, что женились они по любви. Но как бы там ни было, а прожили

они вместе всего четыре месяца. Потом началась война, и Садыка призвали в армию.

Не знаю, чем объяснить, может оттого, что Джамия с детства гоняла с отцом табуны – она у него была одна, и за дочь и за сына, - но в характере у нее проявлялись какие-то мужские черты, что-то резкое, а порой даже грубоватое. И работала Джамия напористо, с мужской хваткой. С соседками ладить умела, но, если ее понапрасну задевали, никому не уступала в ругани, и бывали случаи, что и за волосы кое-кого таскала.

Соседи не раз приходили жаловаться:

- Что это у вас за невестка такая? Без году неделя как переступила порог, а языком так и молотит! Ни тебе уважения, ни тебе стыдливости!

- Вот и хорошо, что она такая! – отвечала на это мать. – Невестка у нас любит правду в глаза говорить. Это лучше, чем скрытничать да исподтишка жалить. Ваши тихонями прикидываются, а такие вот тихони – что протухшие яйца; снаружи чисто да гладко, а внутри – нос заткни.

Отец и младшая мать никогда не обходились с Джамией с той строгостью и придирчивостью, как это положено свекру и свекрови. Относились они к ней по-доброму, любили ее и желали только одного: чтобы она была верна богу и мужу.

... Джамия была хороша собой. Стройная, статная, с прямыми жесткими волосами, заплетенными в две тугие, тяжелые косы, она ловко повязывала свою белую косынку, чуть наискосок спуская ее на лоб, и это очень шло ей и красиво оттеняло смуглую кожу гладкого лица. Когда Джамия смеялась, ее иссиня-черные миндалевидные глаза вспыхивали молодым задором, а когда она вдруг начинала петь соленые айльные песенки, в ее красивых глазах появлялся недевичий блеск.

... В ту осень после двухлетнего перерыва я снова пошел в школу. После уроков я частенько ходил к реке на кручи и сидел возле прежнего гумна, теперь заглохшего и опустевшего. Здесь я писал свои первые этюды ученическими красками. Даже по тогдашним моим понятиям, мне не все удавалось.

«Краски негодные! Вот были бы настоящие краски!» - говорил я себе, хотя и не представлял, какими же они должны быть.

Лишь значительно позднее мне довелось увидеть настоящие масляные краски в свинцовых тюбиках.

Краски красками, а все же учителя, кажется, были правы: этому надо учиться. Но об учебе не приходилось мечтать. Где там, когда от братьев так и не было никаких вестей, и мать ни за что не отпустила бы меня, своего единственного сына, «джигита и кормильца двух семей»! Об этом я и не смел заговорить. А осень, как назло, выдалась такая красивая, только пиши ее.

Обмелела студеная Куркуреу, обнаженные валуны на перекатах поросли темно-зеленым и оранжевым мхом. Краснел по ранним заморозкам голый нежный тальник, но топольки еще сберегли желтые плотные листья.

Прокопченные, омытые дождями юрты табунщиков чернели в поймище на порыжелой отаве, и над дымовыми отверстиями вились сизые пахучие струйки. По-осеннему голосисто ржали поджарые жеребцы – разбрёдались матки, и теперь уже до самой весны нелегко их будет удержать в косяках. Скот, вернувшийся с гор, гуртами бродил по стерне. Побуревшую сухостойную степь вдоль и поперек пересекли ископанные тропы.

Вскоре задул степняк, помутилось небо, пошли холодные дожди – предвестники снега. Как-то выдался знойный день, и я пошел к реке – уж очень приглянулся мне на отмели огненный куст горной рябины. Сел я неподалеку от брода, в тальнике. Вечерело. И вдруг я увидел двух людей, которые, судя по всему, перешли реку вброд. Это были Данияр и Джамиля. Я не мог оторвать глаз от их суровых тревожных лиц. С вещевым мешком за плечами Данияр шагал порывисто, полы распахнутой шинели хлестали по кирзовым голенищам его стоптанных сапог. Джамиля повязалась белым платком, сбитым сейчас на затылок, на ней было ее лучшее цветастое платье, в котором она любила щеголять по базару, а поверх него – вельветовый стеганый жакет. В одной руке она несла небольшой узелок, а другой держалась за ляжку данияровского мешка. Они о чем-то переговаривались на ходу.

Вот они пошли тропой через лог по зарослям чия, а я смотрел им вслед и не знал, что делать. Может, окликнуть? Но язык точно присох к небу.

Последние багряные лучи скользнули по быстрой веренице пегих тучек вдоль гор, и сразу начало темнеть. А Данияр и Джамиля, не оглядываясь, уходили в сторону железнодорожного разъезда. Раза два еще мелькнули их головы в зарослях чия, а потом скрылись.

-Джамиля –а-а! – закричал я что было силы.

«А-а-а-а!» - бесприютно откликнулось эхо.

- Джамиля-а-а! – крикнул я еще раз и, не помня себя, бросился бежать за ними через реку, прямо по воде.

Тучи ледяных брызг летели мне в лицо, и одежда намочила, а я бежал дальше, не разбирая пути, и вдруг со всего размаха упал на землю, обо что-то зацепившись. Я лежал, не поднимая головы, и слезы заливали мне лицо. Тьма будто навалилась мне на плечи. Тонко, тоскливо посвистывали гибкие стебли чия.

-Джамиля! Джамиля! – всхлипывал я, захлебываясь слезами.

Я расставался с самыми дорогими и близкими мне людьми. И только сейчас, лежа на земле, я вдруг понял, что любил Джамилю. Да, это была моя первая, ещё детская любовь.

Долго лежал я, уткнувшись в мокрый локоть. Я расставался не только с Джамилей и Данияром, я расставался со своим детством.

МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ

(отрывок)

*Отец, я не знаю, где ты похоронен...
Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову.*

*Мама, ты вырастила всех нас, четверых...
Посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой.*

В белом свежестыранном платье, в темном стеганом бешмете, повязанная белым платком, она медленно идет по тропе среди жнивья. Вокруг никого нет. Отшумело лето. Не слышно в поле голосов людей, не пылят на проселках машины, не видно вдаль комбайнов, не пришли ещё стада на стерню.

За серым большаком далеко, невидимо простирается осенняя степь. Бесшумно кочуют над ней дымчатые гряды облаков. Бесшумно растекается по полю ветер, перебирая ковыль и сухие былинки, бесшумно уходит он к реке. Пахнет подмокшей в утренние заморозки травой. Земля отдыхает после жатвы. Скоро начнется ненастье, польют дожди, запорошит землю первым снегом, и грянут бураны. А пока здесь тишина и покой.

Не надо мешать ей. Вот она останавливается и долго смотрит вокруг потускневшими, старыми глазами.

-Здравствуй, поле, - тихо говорит она.

-Здравствуй, Толгонай. Ты пришла? И ещё постарела. Совсем седая. С посошком.

-Да старею. Прошел ещё один год, а у тебя, поле, ещё одна жатва. Сегодня день поминовения.

-Знаю. Жду тебя, Толгонай. Но ты и в этот раз пришла одна?

-Как видишь, опять одна.

-Значит, ты ему ничего еще не рассказала, Толгонай?

-Нет, не посмела.

-Думаешь, никто никогда не расскажет ему об этом? Думаешь, не обмолвится кто ненароком?

-Нет, почему же? Рано или поздно ему станет все известно. Ведь он уже подрос, теперь он может узнать и от других. Но для меня он еще дитя. И боюсь я, боюсь начать разговор.

-Понимаю. Только как ему сказать? Ведь то, что знаю я, то, что знаешь ты, поле мое родимое, то, что знают все, не знает только он один. А когда узнает, то, что подумает он, как посмотрит на былое, дойдет ли разумом и сердцем до правды? Мальчишка ведь ещё. Вот и думаю, как быть, как сделать, чтобы не повернулся он к жизни спиной, а всегда прямо смотрел ей в глаза. Эх, если бы можно было просто, в двух словах, взять, да и рассказать будто сказку! В последнее время только об этом и думаю, ведь, неровен час, - помру вдруг. Зимой как-то заболела, слегла, думала – конец. И не столько

боялась смерти – пришла бы, я противиться бы не стала, - а боялась я, что не успею открыть ему глаза на самого себя, боялась унести с собой его правду. А ему и невдомек было, почему так маялась я... Жалел, конечно, даже в школу не ходил, все крутился возле постели – в мать весь. «Бабушка, бабушка! Может, воды тебе или лекарства? Или укрыть потеплее?» А я не решилась, язык не повернулся. Уж очень он доверчивый, бесхитростный. Время идет, и никак не найду я, с какого конца приступить к разговору. По-всякому прикидывала, и так, и эдак. И сколько ни думаю, прихожу к одной мысли. Чтобы он правильно рассудил то, что было, чтобы он правильно понял жизнь, я должна рассказать ему не только о нем самом, не только о его судьбе, но и о многих других людях и судьбах, и о себе, и о времени своем, и о тебе, мое поле, о всей нашей жизни, и даже о велосипеде, на котором он катается, ездит в школу и ничего не подозревает. Быть может, только так будет верно. Ведь тут ничего не выкинешь, ничего не прибавишь: жизнь замесила всех нас в одно тесто, завязала в один узел. А история такая, что не всякий даже взрослый человек разберется в ней. Пережить ее надо, душой понять... Вот и раздумываю... Знаю, что это мой долг, если бы удалось его исполнить, то и умирать не страшно было бы...

-Садись, Толгонай! Не стой, ноги-то у тебя больные. Присядь на камень, подумаем вместе. Ты помнишь, Толгонай, когда ты первый раз пришла сюда?

-Трудно припомнить, столько воды утекло с тех пор.

-А ты постарайся вспомнить. Вспомни, Толгонай, все с самого начала.

...Мы шли мимо заброшенной улицы. И я на беду свою глянула на бывшую стройку Алимана и Касыма: на дворе там все так же, как пять лет тому назад, серой громадной кучей лежали навезенные камни, а кирпичи давно превратились в груды обломков. С тех пор как началась война, недостроенная улица совсем заглохла. Каждое лето усадьбы зарастали репьем и лебедой. Стены осели, пообвалились, и даже внутри домов росли колючки, выглядывали из пустых глазниц окон. До самой осени здесь бродили лишь телята на приколе да грустно куковали удоды. Эти хохлатые птицы любят запустение кладбищ. Они и в тот час сидели на развалинах, как на могильниках, нежились тихой теплынью весны и вполголоса, уныло перекликались.

«Боже! – подивилась я пустоте. – Где же остались люди, что хотели здесь жить, иметь свой дым над очагом? И бедному Касыму моему не довелось построить здесь свой первый дом!» Пусто, горестно стало на душе. А Алимана, придерживая меня за руку, жалеючи улыбнулась.

- Мама, - сказала она, - ну что ты так поникла? Или совсем уж разуверилась в жизни? Не надо, мама. Понимаю, тяжело. Но ты крепкая у меня. Ты у меня... - Она запнулась, собираясь что-то сказать, и, наверно, раздумав, виновато улыбнулась. – Ты у меня просто хорошая. Давай сядем здесь на бугорок поговорим, мама.

«Ну вот, сейчас скажет, скажет, что уйдет», - подумала я. Горячей волной нахлынула жалость к себе и к ней, и я ответила, стараясь унять задрожавший голос.

-Хорошо, сядем поговорим.

Мы присели на бугорок на краю дороги. Да, сели мы с ней так, вдвоем – свекровь и невестка, чтобы решить свою судьбу, как нам дальше быть.

Алиман потупилась и, вздохнув, заговорила:

-Ну вот, мама, война проклятая кончилась. И ты теперь думаешь, наверно, как нам жить дальше. – Она замолчала, и я молчала. Алиман подняла глаза, серьезно и прямо посмотрела мне в лицо. – Не печалься, мама, - грустно улыбнулась она. – Думаешь, не осталось нам от счастья ничего, ну маленько, чуточку хотя бы. Не может быть, чтобы из четырех человек не вернулся ни один. Нет, ты постой, мама, не перебивай, послушай меня. Честно говорю, не мне тебя утешать, и обманывать тебя я не стала бы. Ты поверь мне, мама, сердце мне подсказывает так: Джайнак должен вернуться. Пропал без вести – это значит, что живой. Ведь никто не видел его убитым. А может, он в плену или с партизанами скрывался в лесах, а теперь вдруг объявится. Или лежит где тяжелораненый и не может сообщить об этом. Всякое может быть. Вот увидишь – возьмет да вернется, упадет как снег на голову. Давай подождем, мама, не будем хоронить прежде времени. Были же случаи – ты же сама слышала – живыми оказывались не то что там без вести пропавшие, а даже те, на которых приходила черная бумага. Вот в соседнем аиле и еще где-то у казахов Желтой равнины уже оплакивали, поминки справили, а мертвые оказались живыми, вернулись. А я верю, точно знаю, Джайнак наш живой, вернется скоро. Никак не должно быть, чтобы из четырех человек ни один не вернулся. Давай повременим, мама, долго ждали, подождем ещё. А обо мне не беспокойся, если раньше я была тебе невесткой, то теперь я тебе как сын, вместо всех сыновей...

Алиман замолчала, и мы долго еще сидели молча. Была уже середина мая. Далеко-далеко от нас собирались в тучу облака и словно бы наливались черным дымом. Там погромыхивал гром. Оттуда тянуло прохладным духом дождя. В той дали шел светлый ливень. Он проливался струящимися потоками, блистал на солнце и незримо широкими шагами ходил по земле: то уходил в горы, то спускался вниз, то снова поднимался в горы, то снова опускался к степи. Я смотрела в ту сторону, не отрывая глаз. Далеким дождевым ветром обдавало мое горячее лицо. Я ничего не говорила Алиман. Слова мои для нее были там: такие же щедрые и светлые, как этот светлый далекий ливень.

Да, будут идти дожди, будут расти хлеба, будет жить народ – и я с ним буду жить. Я так думала не потому, что Алиман пожалела меня, не потому, что она из милосердия сказала, что не оставит меня одну. Нет, я радовалась другому. Кто говорит, что война делает людей жестокими, низкими, жадными и пустыми? Нет, война, сорок лет ты будешь топтать людей

сапогами, убивать, грабить, сжигать и разрушать – и все равно тебе не согнуть человека, не принизить, не покорить его.

А моя Алиман была человеком! Ради кого крепила она в себе веру в то, что наш Джайнак, спрыгнувший темной ночью с парашютом в стан врагов и бесследно пропавший той же ночью, непременно жив и непременно вернется? Ради кого убеждала она себя, что мир не так уж несправедлив, как нам кажется? И я не посмела разрушить эту веру, я не посмела смутить ее надежды на лучшее и даже поверила ей. А что, если, правда, Джайнак жив? Значит, не будет никакого чуда, если в один прекрасный день он вернется. Я поверила, как дитя. Я этого хотела. И уже мечтала об этом дне, когда Алиман нарушила молчание. Она первая вспомнила, что огород остался недопаханным.

- Мама, а ведь у нас плуг простаивает. Пошли живей! Земля пересохнет, - заторопила она. Мы прибежали на огород. Быки, волоча за собой плуг, давно уже паслись на траве за огородом. Алиман пригнала их назад, мы снова установили плуг в борозду и продолжали пахоту. Странно, как мало надо человеку! Порой одного доброго слова ему хватает, чтобы воскреснуть из мертвых. Так случилось и с Алиман. Или мне так казалось? Но она вдруг превратилась в прежнюю, довоенную Алиман. Все в ней засветилось, и каждое слово ее, каждая улыбка и движение – все было таким, как когда-то. Она забросила на межу свой коротенький бешмет, подоткнула платье, засучила рукава, косынку сбила на затылок и ловко погоняла быков.

- Эй, белоголовый, цоб-цобе! Эй, куцехвостый, цоб-цобе! – покрикивала она на них, хлестко хлопая длинным кнутом.

Алиман хотела, чтобы я немного приободрилась, чтобы я работала, жила. Потому-то она и вела себя так в тот памятный день. Она оборачивалась на ходу и, смеясь, говорила мне:

-Мама, полегче налегай на чапыги – камень пойдет наверх. Побереги свою силушку! ...

... Вот так война в последний раз напомнила о себе. Дорога, по которой я шла в то утро, была самой трудной дорогой в моей жизни, и мне казалось, что лучше умереть, чем так жить... А младенец, пригревшийся у меня на руках, пошевеливался теплым, мякотьким комочком и не переставал плакать. Несла его и говорила: «Какой же ты несчастный родился, с первым криком своим распрощался с матерью». И вдруг откуда-то издалека, донеслась мысль: «А ведь жизнь не совсем погибла, остался росточек». Но тут же подумала: «Да какой же он жилец, если не попробовал даже материнского молока. Нет, надолго не хватит его». Но так хотелось, чтобы ребенок остался жив, что я взмолилась судьбе: «Ну, оставь в живых хоть этого! Не дай ему умереть. Может, выживет? Может, выкарабкается как –нибудь?» Вот так и шла, отчаивалась, надеялась и снова отчаивалась, и незаметно наступило утро, когда мы добрались до айла.

Снег так же бесшумно и густо валил, все так же стояла вокруг белая тишина. И среди этой тишины заброшенные развалины недостроенной

улицы показались еще более страшными. От того, что здесь было начато семь лет назад, остались лишь жалкие следы. Снег кружил над безжизненной улицей, заметая сугробами зияющие пустотой руины и унылые заросли сухих колючек и Кураев. На бывшем дворе Алимана и Касыма, точно в память их забот и мечтаний, все так же лежали гряда камней и куча кирпичей.

Навсегда успокоенная, Алимана лежала бледная, с закрытыми глазами. Голова моталась из стороны в сторону, снег падал на ее лицо и не таял.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

отрывок

Я открываю настежь окна. В комнату вливается поток свежего воздуха. В ясном голубоватом сумраке я всматриваюсь в этюды и наброски начатой мною картины. Их, много, я много раз начинал все заново. Но о картине в целом судить пока рано. Я не нашел еще своего главного, того, что приходит вдруг так неотвратимо, с такой нарастающей ясностью и необъяснимым, неуловимым звучанием в душе, как эти ранние летние зори. Я хожу в предрасветной тиши и все думаю, думаю, думаю. И так каждый раз. И каждый раз я убеждаюсь в том, что моя картина – еще только замысел.

Я не сторонник того, чтобы заранее говорить и оповещать даже близких друзей о незаконченной вещи. Не потому, что я слишком ревниво отношусь к своей работе, – просто, мне думается, трудно угадать, каким вырастет ребенок, который сегодня еще в люльке. Так же трудно судить и о незавершенном, невыписанном произведении. Но на этот раз я изменяю своему правилу – я хочу во всеуслышание заявить, а вернее, поделиться с людьми своими мыслями о еще не написанной картине.

Это не прихоть. Я не могу поступить иначе, потому что чувствую – мне одному это не по плечу. История, всколыхнувшая мне душу, история, побудившая меня взяться за кисть, кажется мне настолько огромной, что я один не могу ее объять. Я боюсь не донести, я боюсь расплескать полную чашу. Я хочу, чтобы люди помогли мне советом, подсказали решение, чтобы они хотя бы мысленно стали со мной рядом у мольберта, чтобы они волновались вместе со мной.

Не пожалейте жара своих сердец, подойдите поближе, я обязан рассказать эту историю...

Наш аил Куркуреу расположен в предгорьях, на широком плато, куда сбегаются из многих ущелий шумливые горные речки. Пониже аила раскинулась Желтая долина, огромная казахская степь, окаймленная отрогами Черных гор до темной черточкой железной дороги, уходящей за горизонт на запад, через равнину.

А над аилом, на бугре, стоят два больших тополя. Я помню их с тех пор, как помню себя. С какой стороны ни подъедешь к нашему Куркуреу, прежде всего увидишь эти два тополя, они всегда на виду, точно маяки на горе. Даже и не знаю, чем объяснить, - то ли потому, что впечатления детских лет особенно дороги человеку, то ли это связано с моей профессией художника, - но каждый раз, когда я, сойдя с поезда, еду через степь к себе в аил, я первым делом издали ищу глазами родные мои тополя.

Как бы высоки они ни были, вряд ли так уж сразу можно увидеть их на таком расстоянии, но для меня они всегда ощутимы, всегда видны.

Сколько раз мне приходилось возвращаться в Куркуреу из дальних краев, и всегда с щемящей тоской я думал: «Скоро ли увижу их, тополя-близнецы? Скорей бы приехать в аил, скорей на бугор к тополям. А потом стоять под деревьями и долго, до упоения слушать шум листвы».

В нашем аиле сколько угодно всяких деревьев, но эти тополя особенные – у них свой особый язык и, должно быть, своя особая, певучая душа. Когда ни придешь сюда: днем ли, ночью ли, они раскачиваются, перехлестываясь ветвями и листьями, шумят неумолчно на разные лады. То кажется, будто тихая волна прилива плещется о песок, то пробежит по ветвям, словно незримый огонек, страстный, горячий шепот, то вдруг, на мгновенье затихнув, тополя разом, всей взбудораженной листвой шумно вздохнут, будто тоскуя о ком-то. А когда набегают грозовая туча и буря, заламывая ветви, обрывает листву, тополя, упруго раскачиваясь, гудят, как бушующее пламя.

Позже, много лет спустя, я понял тайну двух тополей. Они стоят на возвышенности, открытой всем ветрам, и отзываются на малейшее движение воздуха, каждый листик чутко улавливает легчайшее дуновение.

Но открытие этой простой истины вовсе не разочаровало меня, не лишило того детского восприятия, которое я сохраняю по сей день. И по сей день эти два тополя на бугре кажутся мне необыкновенными, живыми. Там, подле них, осталось мое детство, как осколок зеленого волшебного стеклышка...

В последний год учебы, перед началом летних каникул, мы, мальчишки, мчались сюда разорять птичьи гнезда. Всякий раз, когда мы с гиканьем и свистом взбегали на бугор, тополя-великаны, покачиваясь из стороны в сторону, вроде бы приветствовали нас своей прохладной тенью и ласковым шелестом листьев. А мы, босоногие сорванцы, подсаживая друг друга, карабкались вверх по сучьям и веткам, поднимая переполох в птичьем царстве. Стаи встревоженных птиц с криком носились над нами. Но нам все было нипочем, куда там! Мы взбирались все выше и выше – а ну, кто смелее и ловчее! – и вдруг с огромной высоты, с высоты птичьего полета, точно бы по волшебству, открывался перед нами дивный мир простора и света.

Нас поражало величие земли. Затаив дыхание, мы замирали каждый на своей ветке и забывали о гнездах и птицах. Колхозная конюшня, которую мы считали самым большим зданием на свете, отсюда казалась нам

обыкновенным сарайчиком. А за аилом терялась в смутном мареве распростертая целинная степь. Мы всматривались в ее сизые дали, насколько хватал глаз, и видели еще много-много земель, о которых прежде не подозревали, видели реки, о которых прежде не ведали. Реки серебрились на горизонте тоненькими ниточками. Мы думали, притаившись на ветках: это ли край света или дальше есть такое же небо, такие же тучи, степи и реки? Мы слушали, притаившись на ветках, неземные звуки ветров, а листья в ответ им дружно нашептывали о заманчивых, загадочных краях, что скрывались за сизыми далями.

Я слушал шум тополей, и сердце у меня колотилось от страха и радости, и под этот неумолчный шелест я силился представить себе те далекие дали. Лишь об одном, оказывается, я не думал в ту пору: кто посадил здесь эти деревья? О чем мечтал, о чем говорил этот неизвестный, опуская в землю корни деревьев, с какой надеждой растил он их здесь, на взгорье?

Этот бугор, где стояли тополя, у нас почему-то называли «школой Дюйшена». Помню, если случалось кому искать пропавшую лошадь и человек обращался к встречному: «Слушай, не видел ты моего гнедого?» - ему чаще всего отвечали: «Вон наверху, возле школы Дюйшена, паслись ночью кони, сходи, может, и своего там найдешь». Подражая взрослым, мы, мальчишки, не задумываясь, повторяли: «Айда, ребята, в школу Дюйшена, на тополя, - воробьев разгонять!»

Рассказывали, что когда-то на этом бугре была школа. Мы и следа ее не застали. В детстве я не раз пытался найти хотя бы развалины, бродил, искал, но ничего не обнаружил. Потом мне стало казаться странным, что голый бугор называют «школой Дюйшена», и я как-то спросил у стариков, кто он такой, этот Дюйшен. Один из них небрежно махнул рукой: «Кто такой Дюйшен? Да тот самый, что и сейчас тут живет, из рода Хромой овцы. Давно это было, Дюйшен в ту пору комсомольцем был. На бугре том стоял чей-то заброшенный сарай. А Дюйшен там школу открыл, детей учил. Да разве же то школа была, название одно. Ох, и интересные же времена были! Тогда кто мог схватиться за гриву коня и вдеть ногу в стремя – тот сам себе начальник. Так и Дюйшен. Что взбрело ему в голову, то и сделал. А теперь и камешка не найдешь от того сарайчика, одна польза, что название осталось...»

... Пришлой осенью я получил из аила телеграмму. Земляки приглашали меня на торжественное открытие новой школы, которую колхоз построил своими силами. Я сразу решил – ехать, не мог же я в такой радостный день для нашего аила усидеть дома. Я выехал даже на несколько дней раньше. Поброжу, думал, погляжу, сделаю новые зарисовки. Из приглашенных ждали, оказывается, и академика Сулайманову. Мне сказали, что она пробудет здесь день-два и отсюда поедет в Москву.

Я знал, что эта прославленная теперь женщина в детстве ушла из нашего аила в город. Став горожанином, я познакомился с ней. Она была уже в преклонном возрасте, полная, с густой проседью в гладко зачесанных волосах. Наша знаменитая землячка заведовала кафедрой в университете,

читала лекции по философии, работала в академии, часто ездила за границу. Словом, человеком она была занятым, и мне не удавалось познакомиться с ней поближе, но каждый раз, где бы мы ни встречались, она всегда интересовалась жизнью нашего аила и непременно, пусть даже коротко, высказывала мнение о моих работах. Однажды я решился сказать ей:

- Алтынай Сулаймановна, хорошо бы вам съездить в аил, повидаться с земляками. Вас там все знают, гордятся вами, но знают-то больше понаслышке и, случается, поговаривают, что, мол, наша знаменитая ученая, видно, чурается нас, дорогу позабыла в свой Куркуреу.

- Надо бы, конечно, съездить, - невесело улыбнулась тогда Алтынай Сулаймановна. – Я и сама давно мечтаю побывать в Куркуреу, век уже не была там. Правда, родственников у меня в аиле нет. Но дело ведь не в этом. Непременно поеду, я должна поехать, истосковалась по родным краям.

... Так и уехала Алтынай Сулаймановна. Я вернулся в город и через несколько дней неожиданно получил от нее письмо. Сообщая о том, что она задержится в Москве дольше, чем предполагала, Алтынай Сулаймановна писала: «Хотя у меня множество важных и срочных дел, я решила все отложить и написать вам это письмо... Если вам покажется интересным то, что я здесь пишу, я вас убедительно прошу подумать над тем, как это можно будет использовать, чтобы поведать людям обо всем, что я расскажу. Я считаю, что это нужно не только нашим землякам, это нужно всем, в особенности молодежи. К такому убеждению я пришла после долгих раздумий. Это моя исповедь перед людьми. Я должна исполнить свой долг. Чем больше людей узнает об этом, тем меньше будут мучить меня угрызения совести. Не бойтесь поставить меня в неловкое положение. Ничего не скрывайте...»

Несколько дней я ходил под впечатлением ее письма. И ничего лучшего не придумал, как рассказать обо всем от имени самой Алтынай Сулаймановны...

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ГРАФ МОНТЕ – КРИСТО

Отрывок из романа

Господин Нуартье де Вильфор

Вот что произошло в доме королевского прокурора после отъезда г-жи Данглар и ее дочери, в то время как происходил переданный нам разговор.

Вильфор в сопровождении жены явился в комнату своего отца; что касается Валентины, то мы знаем, где она находилась.

Поздоровавшись со стариком и отослав Барруа, старого лакея, прослужившего у Нуартье больше четверти века, они сели.

Нуартье сидел в большом кресле на колесиках, куда его сажали утром и откуда поднимали вечером; перед ним было зеркало, в котором отражалась вся комната, так, что даже не шевелясь, - что, впрочем, было для него невозможно, - он мог видеть, кто к нему входит, кто выходит и что делается вокруг. Неподвижный, как труп, он смотрел живым и умным взглядом на своих детей, церемонное приветствие которых предвещало нечто значительное и необычное.

Зрение и слух были единственными чувствами, которые, подобно двум искрам, еще тлели в этом теле, уже на три четверти готовом для могилы; да и то из этих двух чувств только одно могло свидетельствовать о внутренней жизни, еще теплившейся в этом истукане, и взгляд, выражавший эту внутреннюю жизнь, походил на далекий огонек, который ночью указывает заблудившемуся в пустыне страннику, что где-то есть живое существо, бодрствующее в безмолвии и мраке.

Зато в черных глазах старого Нуартье, с нависшими над ними черными бровями, тогда как его длинные волосы, спадающие до плеч, были совершенно белы, в этих глазах – как бывает всегда, когда тело уже перестает вам повиноваться, - сосредоточилась вся энергия, вся воля, вся сила, весь разум, некогда оживлявшие его тело и дух. Конечно, недоставало жеста руки, звука голоса, движений тела, но этот властный взор заменял все. Глаза отдавали приказания, глаза благодарили; это был труп, в котором жили глаза; и ничто не могло быть страшнее подчас, чем мраморное лицо, в верхней половине которого зажигался гнев или светилась радость. Только три человека умели понимать этот язык несчастного паралитика: Вильфор, Валентина и тот старый слуга, о котором мы уже упомянули. Но так как Вильфор видел своего отца только изредка и лишь тогда, когда это было, так сказать, неизбежно, а когда видел – ничем не старался угодить ему, даже и понимая его, то все счастье старика составляла его внучка. Валентина научилась, благодаря самоотверженности, любви и терпению, читать по глазам все мысли Нуартье. На этот немой и никому другому не понятный язык она отвечала своим голосом, лицом, всей душой, так что оживленные

беседы возникали между молодой девушкой и этой брэнной плотью, почти обратившейся в прах, которая, однако, еще была человеком огромных знаний, неслыханной проницательности и настолько сильной воли, насколько это возможно для духа, который томился в теле, переставшем ему повиноваться.

Таким образом, Валентине удалось разрешить нелегкую задачу: понимать мысли старика и передавать ему свои; и благодаря этому умению почти не бывало случая, чтобы в обыденных вещах она не угадывала вполне точно желания этой живой души или потребности этого полубесчувственного трупа.

Что касается Барруа, то он, как мы сказали, служил своему хозяину уже двадцать пять лет и так хорошо знал все его привычки, что Нуартье почти не требовалось о чем-либо его просить.

Вильфору не нужна была ничья помощь, чтобы начать с отцом тот странный разговор, для которого он явился. Он сам, как мы уже сказали, отлично знал весь словарь старика, и если он так редко с ним беседовал, то это происходило лишь от полного равнодушия. Поэтому он предоставил Валентине спуститься в сад, отослал Барруа и уселся по правую руку от своего отца, между тем как г-жа де Вильфор села слева.

- Не удивляйтесь, сударь, - сказал он, - что Валентина не пришла с нами и что я отослал Барруа; предстоящая нам беседа не могла бы вестись в присутствии дочери или лакея. Госпожа де Вильфор и я намерены сообщить вам нечто важное.

Во время этого выступления лицо Нуартье оставалось безучастным, тогда как взгляд Вильфора, казалось, хотел проникнуть в самое сердце старика.

- Мы уверены, госпожа де Вильфор и я, - продолжал королевский прокурор своим обычным ледяным тоном, не допускающим каких-либо возражений, - что вы сочувственно встретите это сообщение.

Взгляд старика был по-прежнему неподвижен; он просто слушал.

- Мы выдаем Валентину замуж, - продолжал Вильфор.

Восковая маска не могла бы остаться при этом известии более холодной, чем лицо старика.

- Свадьба состоится через три месяца, - продолжал Вильфор.

Глаза старика были все так же безжизненны.

Тут заговорила г-жа де Вильфор.

- Нам казалось, - поспешила она добавить, - что это известие должно вас заинтересовать; к тому же вы, по-видимому, всегда были привязаны к Валентине; нам остается только назвать вам имя молодого человека, который ей предназначен. Это одна из лучших партий, на которые Валентина могла бы рассчитывать; тот, кого мы ей предназначаем и чье имя вам, вероятно, знакомо, хорошего рода и богат, а его образ жизни и вкусы служат для нее порукой счастья. Речь идет о Франце де Кенель, бароне д'Эпине.

Пока его жена произносила эту маленькую речь, Вильфор буквально впился взглядом в лицо старика. Едва г-жа де Вильфор произнесла имя Франца, как в глазах Нуартье, так хорошо знакомых его сыну, что-то дрогнуло, и между его век, раскрывшихся, словно губы, собирающиеся что-то сказать, сверкнула молния.

Королевский прокурор, знавший об открытой вражде, некогда существовавшей между его отцом и отцом Франца, понял эту вспышку и это волнение; но он сделал вид, будто ничего не заметил, и заговорил, продолжая речь своей жены:

- Вы отлично понимаете, сударь, как важно, чтобы Валентина, которой скоро минет девятнадцать лет, была, наконец, пристроена. Тем не менее, обсуждая это, мы не забыли и вас и заранее условились, что муж Валентины согласится если и не жить вместе с нами – это могло бы стеснить молодую чету, - то во всяком случае на то, чтобы вы жили вместе с нами; ведь Валентина вас очень любит, и вы, по-видимому, отвечаете ей такой же любовью. Таким образом, ваша привычная жизнь ни в чем не изменится, и разница будет только в том, что за вами будут ухаживать двое детей вместо одного.

Сверкающие глаза Нуартье налились кровью.

Очевидно, в душе старика происходило что-то ужасное; очевидно, крик боли и гнева, не находя себе выхода, душил его, потому что лицо его побагровело и губы стали синими.

Вильфор спокойно отворил окно, говоря:

- Здесь очень душно, поэтому господину Нуартье трудно дышать.

Затем он вернулся на место, но остался стоять.

- Этот брак, - прибавила г-жа де Вильфор, - по душе господину д'Эпине и его родным; их впрочем, только двое – дядя и тетка. Его мать умерла при его рождении, а отец был убит в тысяча восемьсот пятнадцатом году, когда ребенку было всего два года, так что он зависит только от себя.

- Загадочное убийство, - сказал Вильфор, - виновники которого остались неизвестны; подозрение витало над многими головами, но ни кого ни пало.

Нуартье сделал такое усилие, что губы его искривились, словно для улыбки.

- Впрочем, - продолжал Вильфор, - истинные виновники, те, кто знает, что именно они совершили преступление, те, кого при жизни может постигнуть человеческое правосудие, а после смерти правосудие небесное, были бы рады оказаться на нашем месте и иметь возможность предложить свою дочь Францу д'Эпине, чтобы устранить даже тень какого-либо подозрения.

Нуартье овладел собой усилием воли, которого трудно было бы ожидать от беспомощного паралитика.

- Да, я понимаю вас, - ответил его взгляд Вильфору; и в этом взгляде выразились одновременно глубокое презрение и гнев.

На этот взгляд, который он хорошо понял, Вильфор ответил легким пожатием плеч.

Затем он знаком предложил своей жене подняться.

- А теперь, - сказала г-жа Вильфор, - позвольте нам откланяться. Угодно ли вам, чтобы Эдуард зашел поздороваться с вами?

Было условлено, что старик выражал свое согласие, закрывая глаза, отказ – миганием, а когда ему нужно было выразить какое-нибудь желание, он поднимал глаза к небу.

Если он желал видеть Валентину, он закрывал только правый глаз.

Если он звал Барруа, он закрывал левый.

Услышав предложение г-жи де Вильфора, он усиленно заморгал.

Госпожа де Вильфор, видя явный отказ, закусила губу.

- В таком случае я пришло к вам Валентину, - сказала она.

- Да, - отвечал старик, быстро закрывая глаза.

Супруги де Вильфор поклонились и вышли, приказав позвать Валентину, уже, впрочем, предупрежденную, что она днем будет нужна деду.

Валентина, еще вся розовая от волнения, вошла к старику. Ей достаточно было одного взгляда, чтобы понять, как страдает ее дед, и как он жаждет с ней говорить.

- Дедушка, - воскликнула она, - что случилось? Тебя расстроили, и ты сердишься?

- Да, - ответил он, закрывая глаза

- На кого же? На моего отца? нет; на госпожу де Вильфор? Нет; на меня?

Старик сделал знак, что да.

- На меня? – переспросила удивленная Валентина,

Старик сделал тот же знак.

- Что же я сделала, дедушка? – воскликнула Валентина.

Никакого ответа; она продолжала:

- Я сегодня не видела тебя; значит, тебе что-нибудь про меня сказали?

- Да, - поспешно ответил взгляд старика.

Попробую отгадать, в чем дело. Боже мой, уверяю тебя, дедушка... Ах, вот что!.. Господин и госпожа де Вильфор только что были здесь, правда?

- Да

- И это они сказали тебе то, что рассердило тебя? Что же это может быть? Хочешь я пойду спрошу их, чтобы знать, за что мне просить у тебя прощения?

- Нет, нет, - ответил взгляд.

- Ты меня пугаешь! Что же они могли сказать?

И она задумалась.

- Я догадываюсь, - сказала она, понижая голос и подходя ближе к старику. – Может быть, они говорили о моем замужестве?

- Да, - ответил гневный взгляд.

- Понимаю, ты сердишься за то, что я молчала. Но, видишь ли, они мне строго-настрого запретили тебе об этом говорить; они и мне ничего не говорили, и я совершенно случайно узнала эту тайну; вот почему и не была откровенна с тобой. Прости, бабушка.

Взгляд, снова неподвижный и безучастный, казалось, говорил: «Меня огорчает не только твое молчание».

- В чем же дело? – спросила Валентина. – Или ты думаешь, что я покину тебя, бабушка, что, выходя замуж, я тебя забуду?

- Нет, - ответил старик.

- Значит, они сказали тебе, что господин д Эпине согласен на то, чтобы мы жили вместе?

- Да.

- Так почему же ты сердишься?

В глазах старика появилось выражение бесконечной нежности.

- Да, я понимаю, - сказала Валентина, - потому, что ты меня любишь?

Старик сделал знак, что да.

- И ты боишься, что я буду несчастна?

- Да.

- Ты не любишь Франца?

Глаза несколько раз подряд ответили:

- Нет, нет, нет.

- Так тебе очень тяжело, бабушка?

- Да.

- Тогда слушай, - сказала Валентина, опускаясь на колени подле Нуартье и обнимая его обеими руками, - мне тоже очень тяжело, потому что я тоже не люблю Франца д Эпине.

Луч радости мелькнул в глазах деда.

- Помнишь, как ты рассердился на меня, когда я хотела уйти в монастырь?

Под иссохшими веками старика показались слезы.

- Ну, так вот, - продолжала Валентина, - я хотела это сделать, чтобы избежать этого брака, который приводит меня в отчаяние.

Дыхание старика стало прерывистым.

- Так этот брак очень огорчает тебя, бабушка? Ах, если бы ты мог мне помочь, если бы мы вдвоем могли помешать их планам! Но ты бессилён против них, хотя у тебя такой светлый ум и такая сильная воля; когда надо бороться, ты так же слаб, как и я, даже слабее. Когда ты был силен и здоров, ты мог бы меня защитить, а теперь ты можешь только понимать меня и радоваться или печалиться вместе со мной. Это последнее счастье, которое бог забыл отнять у меня.

При этих словах в глазах Нуартье появилось выражение такого глубокого лукавства, что девушке показалось, будто он говорит:

- Ты ошибаешься, я еще многое могу сделать для тебя.

- Ты можешь что-нибудь для меня сделать, дедушка? – выразила словами его мысль Валентина.

- Да.

Нуартье поднял глаза к небу. Это был условленный между ним и Валентиной знак, выражающий желание.

- Что ты хочешь, дедушка? Я постараюсь понять.

Валентина стала угадывать, высказывая вслух свои предположения, по мере того как они у нее возникали; но, на все ее слова старик неизменно отвечал «нет».

- Ну, - сказала она, - прибегнем к решительным мерам, раз уж я так недогадлива!

И она стала называть подряд все буквы алфавита, от А до Н, с улыбкой следя за глазами паралитика; когда она дошла до буквы Н, Нуартье сделал утвердительный знак.

- Так! – сказала Валентина. – То, чего ты хочешь начинается с буквы Н; значит, мы имеем дело с Н? Ну-с, что же нам от него нужно, от этого Н? На, не, ни, но...

- Да, да, да, - ответил старик.

- Так это *но*?

- Да.

Валентина принесла словарь и, положив его перед Нуартье на пюпитр, раскрыла его; увидев, что взгляд старика сосредоточился на странице, она начала быстро скользить пальцем сверху вниз, по столбцам.

С тех пор как, шесть лет тому назад, Нуартье впал в тяжелое состояние, в котором он находился, она научилась легко справляться с этим делом и угадывала мысль старика также быстро, как если он сам искал в словаре нужное ему слово.

На слове *нотариус* Нуартье сделал ей знак остановиться.

- *Нотариус*, - сказала она, - ты хочешь видеть нотариуса, дедушка?

Нуартье показал, что он действительно желает видеть нотариуса.

- Значит, надо послать за нотариусом? – спросила Валентина.

- Да, - показал старик.

- Надобно, чтобы об этом знал мой отец?

- Да.

- А спешно тебе нужен нотариус?

- Да.

- За ним сейчас пошлют. Это все, что тебе нужно?

- Да.

Валентина подбежала к звонку и вызвала лакея, чтобы пригласить к деду господина или госпожу де Вильфор.

- Ты доволен? – спросила Валентина. – Да... еще бы! Не так-то легко было догадаться!

И она улыбнулась деду, как улыбнулась бы ребенку.

В комнату вошел Вильфор, приведенный Барруа.

- Что вам угодно, сударь? – спросил он паралитика.

- Отец, - сказала Валентина, - дедушка хочет видеть нотариуса.

При этом странном, а главное неожиданном требовании Вильфор обменялся взглядом с паралитиком.

- Да, - показал тот с твердостью, которая ясно говорила, что с помощью Валентины и своего старого слуги, осведомленного теперь о его желании, он готов на борьбу.

- Вы желаете видеть нотариуса? – повторил Вильфор.

- Да.

- Зачем?

Нуартье ничего не ответил.

- Но для чего вам нужен нотариус? – спросил Вильфор

Взгляд старика оставался неподвижным, немым; это означало: «Я настаиваю на своем».

- Чтобы чем-нибудь досадить нам? – сказал Вильфор. – К чему это?

- Но, однако, - сказал Барруа, готовый с настойчивостью, присущей старым слугам, добиваться своего, - если мой господин желает видеть нотариуса, так, видно, он ему нужен. И я пойду за нотариусом.

Барруа не признавал иных хозяев, кроме Нуартье, и не допускал, чтобы в чем-нибудь противоречили его желаниям.

- Да, я желаю видеть нотариуса, - показал старик, закрывая глаза с таким вызывающим видом, словно он говорил: «Посмотрим, осмелятся ли не исполнить моего желания».

- Если вы так настаиваете, нотариуса приведут, но мне придется извиниться перед ним за себя и за вас, потому что это будет смехотворно.

- Все равно, - сказал Барруа, я схожу за ним.

И старый слуга удалился торжествуя.

Однажды, знакомый скульптор, пригласил меня в гости. Я пошел к нему в мастерскую. Всюду лежали гипсовые маски и стояли скульптуры. Хозяин познакомил меня со своей женой. Обыкновенное милое лицо. Мы сидели и разговаривали. Жена скульптора участвовала в разговоре и разливала чай. Недалеко от меня виднелась белая мраморная головка. Я залюбовался ею. Светло и чисто становится на душе когда видишь такие лица.

Ко мне подошел один из гостей.

- Правда, замечательный бюст? Наталья Александровна, как живая, - сказал он.

- Какая Наталья Александровна? – удивился я.

- Тише! Хозяйка дома, разве вы не знаете? Вот, чай разливает.

Я взглянул и с удивлением увидел: да!

Мраморный бюст в углу – это она! Как же я этого раньше сам не заметил? То же душевное благородство в чертах её лица.

Она продолжала разговаривать, угощая гостей чаем. Мне уже не хотелось смотреть на мраморный бюст в углу – он своё дело сделал, раскрыл

мне глаза на живое. Я не сводил глаз с хозяйки и не понимал: как же это я раньше не заметил того, что теперь видел так ясно.

(По В.Вересаеву)

СТАРЫЙ ПОВАР

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик, бывший повар одной богатой женщины.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Вся обстановка в доме была бедная и скромная. Единственным богатством Марии был рояль. Этот рояль был такой старый, что струны его пели долго и тихо в ответ на все звуки вокруг. Никто не мог войти в дом так, чтобы рояль не встретил его каким –то дрожащим, долгим шумом.

Когда Мария умыла отца и надела на него чистую рубашку, старик сказал:

- Я никогда не любил священников. Я не хочу звать их. Между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

- Что же делать? – испуганно спросила Мария.

- Выйди на улицу и попроси какого-нибудь человека зайти к нам в дом. Скажи, что в доме умирает твой отец и ему нужен священник. Тебе никто не откажет.

Мария надела платок и выбежала через сад на улицу. Улица была пуста, ветер нёс по ней листья, а с тёмного неба падали холодные капли дождя. Мария долго ждала. Наконец, она увидела какого-то человека. Девушка подбежала к нему и схватила его за руку. Незнакомец оглянулся.

- Что вы хотите? – спросил он.

- Я хочу что-то сказать вам, - и она дрожащим голосом передала ему просьбу отца.

- Хорошо, - сказал человек спокойно. – Хотя я не священник, но это не важно. Пойдёмте.

Они вошли в дом. Незнакомец быстро снял плащ и подошел к кровати старого повара.

- Говорите! – сказал он. – Может быть с помощью власти, данной мне не богом, а искусством, которому я служу, я чем-нибудь смогу вам помочь в последние минуты, скажите мне вашу последнюю просьбу.

Рассказав о своих грехах, старик сказал о своей просьбе.

- Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о моей дочери.

- Я сделаю это. А ещё чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

- Я хотел бы ещё раз увидеть мою жену Марту такой, какой я встретил её когда-то в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он цветёт весной. Но это невозможно. Не сердитесь на меня за глупые слова.

Но незнакомец быстро встал и подошел к роялю.

- Слушайте! – сказал он. – Слушайте и смотрите!

Он заиграл. Старый рояль пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнил звуками не только маленький домик, но и весь сад.

- Я вижу! – сказал старый повар. – Я вижу день, когда я впервые встретился с Мартой. Это было зимой в горах. Небо было прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, - повторил он, слушая музыку. Незнакомец играл, глядя в чёрное окно.

- А теперь вы видите что-нибудь? – спросил он. Старик молчал, слушая.

- Неужели вы ничего не видите? Уже ночь из чёрной сделалась синей, а потом голубой, и тёплый свет падает откуда-то сверху и на старых деревьях цветут белые цветы...

- Я вижу все это! – крикнул старик. – Я вижу все так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умирать, не узнав вашего имени.

- Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, ответил незнакомец.

Мария отошла от кровати отца и низко склонилась перед великим музыкантом.

(По К.Паустовскому)

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
1799 - 1837

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тропах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! Куда ни брошу взор -
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами

Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана

Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоены,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! О ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей тропа
Народов вольность и покой.

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой,

Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой – я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой – люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь от суетных оков освобожденный,
Учусь в Истине блаженство находить,
Свободною душой Закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой Мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца – в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,

Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук деревьев, и светлую долину,
И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, среди блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину,
И, чуждый призраку блистательному славы,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия –
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья,-
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеняя,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;

Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

* * *

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокий!
Хочу ль бежать, -с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двузначный со мною разговор,-
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи ещё: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

* * *

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня волны ревучи,
Когда грозою грянут тучи –
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

*К *** 1*

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

-1 Обращено к А.П.Керн, племяннице П.А.Осиповой; А.С.Пушкин познакомился с ней в Петербурге в 1819 г.; летом 1825 г. Она гостила в Тригорском.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! Напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

АНЧАР 1)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зноем,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет – лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

1) Древо яда (*Примеч. А.С.Пушкина*)

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напичкал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу

Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

1814 - 1841

ПОЭТ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всеильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;

За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскою по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

РОМАНС К И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокою кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! Чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страдания,
Где мир их очернить не мог.

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает среди чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! Зачем я не ворон степной?..

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Все то, чем удивил Байрон.

Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Все темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

* * *

Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья,
Я увядаю в полном цвете!
Пускай! – я не был раб земного наслажденья,
Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает,
Краснея, гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
Как воскрешать все то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
За мной бегущие повсюду.

* * *

Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастью назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

БОРОДИНО

- Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

- Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий

Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля,
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

СМЕРТЬ ПОЭТА

*Отмищенья, государь, отмищенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.*

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... - он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,

Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, - они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге

И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Читу белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

ЗИНАИДА ГИППИУС
1869 -1945

ЦВЕТЫ НОЧИ

О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

Темны, теплы тихие стены,
И давно камин без огня...
И я жду от цветов измены, -
Ненавидят цветы меня.

Среди них мне жарко, тревожно,
Аромат их душен и смел, -
Но уйти от них невозможно,
Но нельзя избежать их стрел.

Свет вечерний лучи бросает
Сквозь кровавый шелк на листья...
Тело нежное оживает,
Пробудились злые цветы.

С ядовитого арума мерно
Капли падают на ковер...
Все таинственно, все неверно...
И мне тихий чудится спор.

Шелестят, шевелятся, дышат,
Как враги за мною следят.
Все, что думаю, - знают, слышат,
И меня отравить хотят.

О, часу ночному не верьте!
Берегитесь злой красоты.
В этот час мы все ближе к смерти,
Только живы одни цветы.

ЗАКАТ

Освещена последняя сосна.
Под нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченный – не повторится.

День кончился: что было в нем?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днем,
А все-таки – не повторится.

ЛЮБОВЬ ОДНА

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь одна.

Мы негодуем, мы играем,
Иль лжем – но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна – любовь одна.

Однообразно и пустынно
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном – бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

ИВАН БУНИН
1870 -1953

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея, чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж – и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит – поет в стволы ружья.

* * *

Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривою ракитой в заглохшем саду, -
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.

В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я впервые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Среди кривых стволов, среди ветвей корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету – и вот, в зеленых травах,
Огни, как языки краснеют и дрожат.
Бесцветный запад чист – жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно- ярких звезд.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
1873 - 1924

СОНЕТ К ФОРМЕ

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты.

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.

Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья – дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире – я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд.

КИНЖАЛ

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок...*

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой.
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я – отзыв вам кричу, я – песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии. Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, - затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
1880 -1934

НА ГОРАХ

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод.
У меня на горах
Очистительный холод.

Вот ко мне на утес
Притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
Из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
Прославляя лазурь.
Бородою взметал
Вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
Низким басом.
В небеса запустил
Ананасом.

И, дугу описав,
Озаря окрестность,
Ананас ниспадал, просияв,
В неизвестность,

Золотую росу
Излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
“Это – диск пламезарного солнца...”

Низвергались, звеня,
Омывали утесы
Золотые фонтаны огня –
Хрусталя
Заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
И, подкравшись боком,
Горбуна окатил
Светопенным потоком.

АСЕ

/При прощании с ней/

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, -
Не осуди мое молчанье
В нем – грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

АЛЕКСАНДР БЛОК
1880 – 1921

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять – бессильно и напрасно –
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шепот,-
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так – сведены с ума мгновеньем –
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, -
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? –
Не знаю: я забыл тебя.

ИЗ ЦИКЛА «НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ»

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокло.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...
Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне

Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётom журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

* * *

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится всё как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, -
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.
Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали

Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
В белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

АННА АХМАТОВА

1889 – 1966

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
- Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

* * *

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! –

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,

Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь.
Мне кажется, я даже не услышу.

ЛЕТНИЙ САД.

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград.

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, -
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! Не Варшава, не Ленинград, -
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей – разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невнятные улыбки,
И тайны в зиме не найду,
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.

И первая – праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно ключья тетрадок,
И запах дымка так ладанно – сладок,

Все влажно, пестро и светло.

И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.

Но эта бывает – чуть начата повесть,
Секунда, минута – и вот
Приходит вторая, бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фимиама
Сокрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось – и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

**ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ**

1891 - 1938

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, - так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я ещё не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера...

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

* * *

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг, -
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает,
Понемногу тает звук,
Все чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь,
Как ты прежде шелестила,
Кровь, как нынче шелестишь.

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

БОРИС ПАСТЕРНАК

1890 – 1960

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

* * *

Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь.
Все это – не большая хитрость.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

1892 – 1941

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти –
Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд,
Взгляд к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная, бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли
И невозможностей сколько –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..

* * *

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом окне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наше не-гулянье под луной,
За солнце, не у нас над головами,-
За, то, что вы больны – увы! – не мной,
За, то, что я больна – увы! – не вами!

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и донине
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота – ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы –
Один ответ: «Откуда мне сие?»

Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость и четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.

* * *

Я счастлива жить образцово и просто –
Как солнце, как маятник, как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой – как всякая божья тварь.

Знать: дух – мой сподвижник и дух – мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато –
Как Бог повелел и друзья не велят.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

1895 – 1925

Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злиться все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж –
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, -
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю:
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят;
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты - моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле.
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия –
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя
И хоть прошлой жизни не кляню.
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну,

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, -
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

КРАТКИЙ РУССКО – УЗБЕКСКИЙ СЛОВАРЬ

А

- Автоматизация – автоматлаштириш
Агрегатное состояние – агрегат ҳолати
Акробат – мураккаб машқларни бажарувчи гимнастикачи, цирк артисти
Алхимия – (ўрта асрларда: оддий металлларни олтин ёки кумушга айлантирувчи “ҳикмат тоши” – иксир излаш билан шуғулланувчи ҳаёлий фан)
Аллур – отнинг бир хил юриши (йўрғалаш, лўкиллаш ёки чопиш х.к.)
Амальгама – симобнинг бирор металл билан қотишмаси
Аналогичный – ўхшаш, монанд
Арена – саҳна, майдон
Армяк – чакмон
Ассигнация – қоғоз пул
Ассоциация – 1. ассоциация, уюшма, иттифок
2. тасаввур, хис-туйғу, фикрнинг ўзаро боғланиши
Ассоциироваться – фикран боғланмоқ

Б

- Бактерия – бактериялар микроскоп орқалигина кўринадиган жуда майда организм
Барин – оқсуяк, бой
Бесконечно – чексиз, бениҳоя, беҳат, ортиқ даражада
Бесперывно – тўхтовсиз, узлуксиз, муттасил
Бессмертие – боқийлик, адабийлик, мангулик
Благоприятный – яхши, ижобий таъсир кўрсатадиган, қулай
Блестящий – ялтироқ, ёрқин, порлоқ
Бревно – ёғоч, хода
Бревенчатый – ёғочдан қилилган
Бриз – енгил шамол, шабада (денгиз соҳилларда)
Бричка – тўрт ғилдиракли арава
Брод – кечув
Бродить I – айланиб юрмоқ, кезмоқ
Бродить II – ачимоқ, қайнамоқ, бижғимоқ; ошмоқ, кўпчимоқ
Брызги – 1. томчи, қатра 2. учқун
Брызгать – сочмоқ, пуркамоқ, томчиламоқ

В

- Вакуум – вакуум (берк идиш ичидаги ҳавонинг ёки газнинг сийраклашган ҳолати)
Вести – киритмоқ, жорий этмоқ

Век – аср
Великий – буюк
Верблюды – туя
Вещество – модда
Взаимодействовать – ўзаро таъсир қилмоқ
Взгляд – нигоҳ, қараш
Взглянуть – қарамоқ, кўз ташламоқ
Взрывчатые – портловчи
Взъерошенный – паҳмоқ сочли
Влага – суюқлик, намлик
Влажный – хўл, нам
Вначале – аввалига, дастлаб
Водянистый – серсув, сернам, суви кўп
Возвести – кўтармоқ, олиб чиқмоқ, барпо қилмоқ
Возгорание – бирдан аланга олмоқ
Возобновляемый – қайтадан бошланадиган
Волокно – тола
Волокнистый – сертола, толали
Воспринимать – ўзига олмоқ, қабул қилмоқ
Воспроизвести – қайта тикламоқ
Восхищаться – завқланмоқ, тасанно айтмоқ
Вручную – қўл билан, қўлда
Волчок – пилдирак (таянч нуқта атрофида ҳар қандай тезликда айлана оладиган қаттиқ жисм)
Вообразить – тасаввур қилмоқ
Восстановить – тикламоқ, аслига келтирмоқ
Вскоре – тез орада, кўп ўтмай
Вторгаться – бостириб кирмоқ, аралашмоқ, ёриб кирмоқ
Вторично – иккинчи марта, такроран
Входить – кирмоқ
Выбор – танлаб олмоқ
Выдвигать – таклиф этмоқ, олға сурмоқ
Выпекать –пиширмоқ, ёпмоқ
Выращивать – ўстирмоқ, етиштирмоқ
Вырабатывать – тайёрламоқ, ишлаб чиқмоқ
Выскоблить – қириб тозаламоқ
Выделять – ажратиб чиқармоқ
Выпиливать – арраламоқ

Г

Гамма излучение – гамма-нурланиш
Гарпун – гарпун, узун найза
Геофизика – геофизика (ернинг физик хусусиятлар ва унда рўй берадиган физик процесслар ҳақидаги фанлар мажмуи)

Гибкость – эгилувчанлик, эластиклик
Глубина – чукурлик, қаър, теранлик
Гонка – пойга
Гравировка – ўйма нақш, безак
Грешник – гуноҳкор, осий
Грубый – қўпол, дағал
Гумно – хирмон, сарой, усти берк хирмон
Грунт – тупроқ, қатлам, ер, замин

Д

Даль – 1. узоқ жой, олис
 2. бепоён кенглик
Давление – босим
Данные – 1. маълумот
 2. асос, далил
 3. аломат, белги
Данный – ушбу, мана шу, мазкур
Деятель – арбоб
Деятельность – иш, фаолият
Движение – ҳаракат
Дно – туб, таг
Добавка – қўшимча
Добыча – 1. қазиб олиш, чиқариш
 2. ўлжа
Диалект – шева
Доисторический – тарихдан илгариги, ёзма тарих юзага келмасдан аввал
Доказать – исбот қилмоқ
Дикий – ёввойи
Добываемый – қазиб олинадиган
Долго – узоқ
Долговечный – узоқ яшайдиган; узоққа (қўпга) чидайдиган
Долька – кичик бўлак, паллача
Достоинство – кадр-қиммат, фазилат, обрў-эътибор
Доступ – кириш йўли; рухсат, ижозат
Дошедший – етиб келган
Древний – қадимги, қадимий, жуда эски
Дрессировщик – ҳайвон ўргатувчи
Дубление – терини ошлаш
Дубрава – дубзор ўрмон, эманзор
Дуть – эсмоқ

Е

Единодушный – якдил, ҳамжиҳат
Единственный – бирдан-бир, ягона

Единое целое – бир бутун
Еловый – қорақарағайдан қилинган
Если – агар, бордию
Естественный – табиий
Ещё – яна

Ж

Железа – без
Железо – темир
Желудок – ошқозон
Жернова – тегирмонтош
Животное – жонзот
Жизнь – ҳаёт

И

Избежание – йўлқўймаслик учун
Идеалист – идеалист, юксак ахлоқий идеалларга амал қилувчи одам
Изделие – буюм, маҳсулот
Известно – аниқ, маълум
Извлекать – олмоқ, чиқариб олмоқ
Изготовить – тайёрламоқ, ишлаб чиқармоқ
Измельчать – майдаламоқ
Измениться – ўзгармоқ
Изменять – ўзгартирмоқ
Изнашиваться – эскирмоқ, ейилмоқ
Изобретение – ихтиро, кашфиёт
Иллюстрация – тасвир
Ископаемое – қазилма
Искусственно – сунъий, ясама
Искусство – санъат
Испарение – буғланиш
Исподтишка – зимдан, билдирмасдан, яширин
Использовать – фойдаланмоқ
Испытывать – бошдан кечирмоқ
Испускать – сочмоқ, таратмоқ
История – тарих
Источник – булоқ, манба

З

Закипать – қайнаб чиқмоқ, қайнамоқ
Залежь – 1. қон, қатлам
 2. уюм, тўп
Замедлить – секинлатмоқ, пасайтирмоқ
Замерзать – музлаб қолмоқ

Замечательный – ажойиб
Заметно – сезиларли даражада, аник
Заморозки – аёз, эрталаб ёки кечасидаги совук
Запустелый – қаровсиз, ташландик
Зародиться – дунёга келмоқ, пайдо бўлмоқ
Зародышь – бошланғич ҳолат, куртак
Заряжать – ўқламоқ, шайлаб қўймоқ
Заряженный – ўқланган, зарядланган
Заслуга – тақдирлашга лойиқ иш, хизмат
Засушить – қуритмоқ
Затылок – энса, гардан
Зафиксировать – қайд этмоқ, белгилаб қўймоқ
Захоронение – қабр, қадимги гўр
Зелёный – яшил
Землетрясение – ер қимирлаши, зилзила
Земная кора – ер қобиғи
Земной – дунёвий, ерга оид
Знать – билмоқ
Значение – аҳамият, мазмун
Знойный – жазирама
Золото – олтин
Зыбь – мавж, тўлқин, жимирлаш

К

Кадка – ёни тик ёғоч бочка
Каёмка – хошия, жияк
Каменный век – тош асри
Кампания – кампания, маълум мақсаддаги ҳаракатлар мажмуи (сайлов кампанияси, пахта териш кампанияси)
Канатоходец – дорбоз
Катализатор – катализатор (кимёвий реакцияларни тезлаштирувчи ёки секинлаштирувчи модда)
Кинетический – кинетикага оид
Кинетика – кинетика (назарий механиканинг динамика ва статикани ўз ичига олган бўлими)
Киноварь – қизил рангли минерал, симоб сульфид
Кладовая – омбор
Клетка – катак, хужайра
Клоун – масхарабоз
Колесница – икки ғилдиракли арава
Количество – миқдор
Колчедан – колчедан (металларнинг олтин гугурт, маргимуш ёки селен билан бирикувидан ҳосил бўлган минералли руда)
Комета – думли юлдуз

Компонент – таркибий қисм
Конденсатор – конденсатор (конденсат тўплайдиган асбоб)
Конденсироваться – тўпланмоқ, йиғилмоқ, суяқ ҳолга келмоқ
Конструировать – тузмоқ, ташкил қилмоқ конструкцияламоқ
Копьё – металл найза
Кроманьонцы – кроманьон даври одами
Крошечный – жуда кичкина
Кроткий – ювош, беозор, юмшоқ табиат
Крупинки – зарралар
Крупнейший – йирик, кўп сонли, катта
Крушить – емирмоқ, бузмоқ
Кудрявый – жингалак соч
Кучер – аравакаш, избошчи

Л

Лампадка – кичкина чирок, жинчирок
Лапоть – чиптаковуш
Латунь – жез (мис ва руҳ қотишмаси)
Легавый – исковуч (ит)
Лен – 1. зиғир 2. зиғирпоя толаси
Листва – барглар
Лишения – етишмовчиликлар
Льдина – катта муз парчаси

М

Маис – маккажўхори
Массовый – оммавий
Материя – материя, модда
Мезолит – ўрта тош асри
Мельник – тегирмончи
Мельничиха – тегирмончининг хотини
Менять – алмаштирмоқ
Месторождение – кон
Мечта – орзу, тилак
Меридиан –
Многочисленный – кўп сонли

Н

Навык – малака, кўникма, маҳорат
Надежда – умид
Надрез – кесик, тилинган жой
Наконечник – учлик
Нанесение – келтирмоқ
Наносный – чўкинди

Народ – халқ
Насыщенный – тўйинган
Наслаждение – ором, роҳат
Настоящее – ҳозирги вақт
Насекомоядный – ҳашаротхўр
Население – аҳоли
Натяжение – таранглик
Научный – илмий
Небо – танглай
Недоимка – ундирилмаган қарз, олинмаган тўлов
Незгоды – қийинчиликлар, мусибатлар
Невероятность – эҳтимолдан узоқлик
Невозможно – мумкин эмас
Неистошимый – битмас-туганмас, жуда кўп
Незнакомец – нотаниш
Неисчерпаемый – тугамайдиган
Неолит – янги тош асри
Неотъемлемый – ажралмас, бўлинмас
Непроницаемость – ўтказмаслик
Нержавеющий – зангламас
Несбыточный – амалга ошмайдиган, рўёбга чиқмайдиган
Несчастье – бахтсизлик
Неутолимый – кучли; таскин бериб бўлмайдиган
Неутолимый – чарчоқ билмас

О

Обиходный – кунда ишлатиладиган, одатдаги
Обкалывание – тоблаш, қиздириш
Обмазывать – суркаш
Обмелеть – саёз бўлиб қолмоқ
Обоз – карвон
Обоняние – ҳид билиш қобилияти
Оболочка – қобик
Обработать – ишлов бермоқ
Объединение – бирлашма, уюшма, бирикув
Обязательно – албатта
Овраг – жарлик, чуқурлик
Овца – қўй, совлиқ қўй
Одержимость – шайдолик, муккасидан кетмоқ
Одежда – кийим
Ограничен – чекланган
Означать – англатмоқ, билдирмоқ
Окружать – ўраб олмоқ
Оливковое масло – зайтун мойи

Ораторство – нотиклик
Орган обоняния – ҳид билиш органи
Орошение – суғориш
Орудие – қурол
Осадочные породы – чўкинди тоғ жинслари
Освещение – ёритиш
Осерчать – жаҳли чикмоқ, ғазабланмоқ
Осложнён – чигал
Основа – асос
Основной – асосий
Остальной – қолгани, бошқаси
Отвлечь – диққатини тортиш
Отколотый – синиб тушган
Открытие – кашфиёт
Отличие – фарқ, тафовут
Относиться – тегишли бўлмоқ
Отмирание – барҳам топиш, қуриб қолиш
Отражать – акс эттирмак
Отрасль – соҳа
Отрезать – кесмоқ, қирқмоқ
Отросток – янги новда, шох, буток
Отталкивать – итарилмоқ
Очистить – тозаламоқ
Оформить – расмийлаштирмак
Отруби – кепак
Ощущение – сезмоқ

II

Падёж – ҳайвонларни оммавий қирилиб кетиши
Палеолит – тош асри
Пасека – асалари яшиклари
Пашни – ҳайдаладиган ерлар
Переварить – қайта қайнатмоқ, ортиқча пишириб юбормоқ
Передвигаться – ҳаракатланмоқ, жойидан қўзғалмоқ, силжимок
Период – давр
Периодический – даврий
Перекачать – ҳайдаб ўтказиб олмоқ
Перенять – олмоқ
Перепела – бедана
Перецеживать – қайта тиндирмоқ, қайта сузиб олмоқ
Пёс – кучук
Письменность – ёзув
Питание – озуқа
Повседневный – кундалик

Поверхность – сирт, юза
Повсюду – ҳамма ерда
Подвязывать – боғламоқ
Подобные – ўхшаш
Подпирать – таяб қўймоқ
Подстилка – тўшама
Покос – ўрим
Покрытие – қоплама
Полезный – фойдали
Полировка – сайқал бериш
Получать – олмоқ
Полноценный – тўлақонли
Поместить – жойламоқ
Потребность – талаб
Почва – замин
Поселенцы – кўчиб ўтганлар
Посмеиваться – устидан кулмоқ
Почти – деярли

Р

Работать сообща – биргаликда ишламоқ
Равномерно – бир текис, бир маромда
Разбавлять – суюлтирмоқ
Развалина – хароба, вайрона
Развиваться – ривожланмоқ
Развозить – жойига элтиб қўймоқ
Различный – турли
Разлагаться – чиримоқ, таркибий қисмларга ажрамоқ
Размалывать – тўймоқ, тегирмонда тортмоқ
Размножаться – кўпаймоқ
Разослать – жой-жойига тарқатмоқ, ёймоқ
Разочаровывать – хафсаласини пир қилмоқ, кўнглини қолдирмоқ
Разогреть – қиздирмоқ
Разумно – ақл билан
Разукрашенный – безалган
Раскатистый – гулдурос
Рассол – тузлама суви, тузли сув
Рассыпной – сочилган, қадоқланмаган
Распадаться – бўлинмоқ, парчаланмоқ
Расплавлять – эритмоқ
Распоряжение – фармойиш, буйрук
Распространяться – тарқалмоқ
Растение – ўсимлик
Растереть – майдаламоқ, ийламоқ

Растворенный – эриган
Расщепляться – таркибий қисмларга ажрамоқ
Растекаться – оқиб кетмоқ
Регулировка – созлаш, бошқариш
Решето – ғалвир
Резьба – ўймакорлик
Римляне – римликлар
Ржавчина – занг
Рис – гуруч
Рожь – қора буғдой, жавдар
Рост – ўсиш, бўй
Ртуть – симоб

С

Самородок – соф ҳолда топилган металл
Свекла – лавлаги
Свёртываться – ивиб қолмоқ
Светящийся – ярқираётган
Свинец – кўрғошин
Свободно – эркин
Свойство – хусусият, хосса
Сера – олтингугурт
Серебро – кумуш
Семена – уруғ, дон
Сено – пичан, хашак
Ситуация – вазият, холат
Скважина – қудуқ
Скорость – тезлик
Скрепки – кураклар
Следовательно – шундай қилиб
Слизистая – шилимшиқ
Сложнейший – мураккаб
Случайно – тасодифан
Слог – бўғин
Смачивать – ҳўлламоқ, ивитмоқ
Сменяться – алмашмоқ
Смесь – қоришма
Содействие – кўмак, ёрдам
Событие – воқеа
Солома – похол
Состав – таркиб
Сооружение – қурилма
Сопровождение – бирга борадиган, давом этадиган
Справедливость – адолат

Спрессовывать – прессламоқ
Спутник – йўлдош
Средиземноморские страны – ўрта ер денгизи мамлакатлари
Срезать – қирқмоқ, кесмоқ
Старина – қария
Сталкиваться – тўқнаш келмоқ
Стремиться – интилмоқ
Ступень – поғона
Суша – қуруқлик
Сомнительный – шубҳали
Скамья – курси
Снаружи – ташқари томондан
Самопожертвование – ўзини қурбон қилиш
Сечь – чопмоқ, майдаламоқ

Т

Тальник – бутгасимон тол
Тара – юк ортилган вагон
Тетерева – қарқур (ўрмон куши)
Толпа – оломон, омма

У

Увлекательный – қизиқарли
Удобрение – ўғит
Узнавать – танимоқ, биомоқ
Указывать – кўрсатмоқ
Укрыть – ёпмоқ, пана қилмоқ
Усыпальница – мақбара
Устраивать – уюштирмақ
Ускорить – тезлатмоқ
Успех – муваффақият
Употребление – ишлатиш, қўллаш
Упущенный – соддалаштирилган
Утварь – уй-рўзғор анжомлари
Учёный – олим
Ушибы – лат еган жойлар
Угадывать – топлаш
Управа – махкама
Умиление – эриб кетиш, ийиб кетиш
Удержать – ушлаб қолмоқ
Усыпано – сепилган, сочилган

Ф

Факел – машъала
Фауна – ҳайвонот дунёси
Фермент – тирик хужайрада ишлаб чиқариладиган ва организмда модда алмашинувини тартибга солиб турадиган органик модда
Флора – ўсимликлар дунёси
Формироваться – шаклланмоқ
Фраза – жумла, ибора
Ферментация – ферментланиш, ачиш, бижғиш

Х

Холм – тепалик
Хромит – хромит (таркибида хром ва темир бўлган минерал)
Хутор – хутор 1) (ўзи якка ажралиб турадиган ер участкаси ва ҳовли)
2) қишлоқча, қўрғонча

Ц

Цепная реакция – занжир реакцияси
Ценность – баҳо, қиймат, қадрият

Ч

Часть – қисм
Частицы – зарра, бўлак
Чаща – чакалакзор, чангалзор
Чаще – кўпроқ, тез-тез
Чертёж – чизма
Чистый – тоза, соф
Человечность – инсонийлик, одамгарчилик
Чудак – қизиқ табиатли киши

Ш

Шельма – 1. энгил, учар одам
2. айёр, муттаҳам одам
Шинель – шинель, солдат шинели – устки кийими
Шпандырь – махкамлагич
Шпат – шпат (силикатлар жинсига мансуб минерал)

Щ

Щурить – кўзини қисмоқ

Э

Эквивалент – бир нарсага тенг бўлган ва у билан алмашина оладиган нарса
Экзотический – чет мамлакатларга хос
Эпоха – давр, замон
Эффективный – самарали

Экзотика – узоқ мамлакатларга хос бўлган бошқаларга қизик туюладиган нарсалар, урф-одатлар

Я

Явление – кўриниш, ходиса

Ячмень – арпа

Оглавление.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Что такое история?

Что было в каменном веке?

Что такое флора?

Что такое гевея?

Что такое оливковое масло?

Что такое зерновые растения?

Что такое фауна?

Что такое целлюлоза?

Как появились бактерии?

Существует ли сейчас семь чудес света?

Сколько нужно знать слов,
чтобы говорить на данном языке?

Много ли слов в русском языке?

Кто такой Ломоносов?

Кто классик новейшей мировой литературы?

Кто написал первую энциклопедию?

Как появились словари?

Кто такой В.И. Даль?

Как зарождался цирк?

Что такое НЛО?

Что такое Гринвичский меридиан?

Как возникла наука?

Что такое Нобелевская премия?

Чем физика отличается от химии?

Что такое элементы?

Если молекулы движутся, то почему мы не видим, что вещи изменяются?

Что такое полимеры?

Кто открыл атомы?

Какой величины атом?

Что такое энергия?

Как образовался уголь?

Что такое нефть?

Кто придумал слово «газ»?

Откуда произошёл природный газ?

Какие существуют газы?

Что такое гелий?

Что такое фосфор?

Что такое хром?

Почему ржавеет железо?

Что такое медь?

Кто такие алхимики?

Как находят золото?

Что такое ртуть?
Что такое радий?
Что такое уран?
Что такое автоматизация?
Что такое компьютер?
Где изобрели велосипед?
Кто изобрел автомобиль?
Кто изобрёл парашют?
Кто изобрел вертолет?
Как человек полетел в космос?
Что такое искусственный спутник?
Как началось приготовление пищи?
Что придает пище ее вкус?
Откуда берется соль?
Как делают сахар?
Как образуется молоко?
Кто первым получил масло?
Что такое экология?
Что такое охрана окружающей среды?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА

И.С.ТУРГЕНЕВ

ХОРЬ И КАЛИНЫЧ
ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА
МАЛИНОВАЯ ВОДА
А. П. ЧЕХОВ

ХАМЕЛЕОН.
ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

ДАЧНИКИ
ВАНЬКА
ЮРИЙ НАГИБИН
ЭХО
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ
ДЖАМИЛЯ
МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ
ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР ДЮМА
ГРАФ МОНТЕ – КРИСТО

СТАРЫЙ ПОВАР

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ВОЛЬНОСТЬ

К ЧААДАЕВУ

ДЕРЕВНЯ

ЦАРСКОЕ СЕЛО

ДЕМОН

*К *** 1*

АНЧАР 1)

ЗИМНЕЕ УТРО

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

ПОЭТ.

МОЛИТВА

КАВКАЗ

РОМАНС К И...

ЖЕЛАНИЕ

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

БОРОДИНО

СМЕРТЬ ПОЭТА

РОДИНА

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЦВЕТЫ НОЧИ

ЗАКАТ

ЛЮБОВЬ ОДНА

ИВАН БУНИН

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

СОНЕТ К ФОРМЕ

КИНЖАЛ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

НА ГОРАХ

АСЕ

АЛЕКСАНДР БЛОК

ИЗ ЦИКЛА «НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ»

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

АННА АХМАТОВА

ЛЕТНИЙ САД.

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

ТРИ ОСЕНИ

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ
ЛЕНИНГРАД
БОРИС ПАСТЕРНАК
МАРИНА ЦВЕТАЕВА
БАБУШКЕ
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН
ПИСЬМО МАТЕРИ
ИЗ ЦИКЛА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»
**КРАТКИЙ РУССКО – УЗБЕКСКИЙ
СЛОВАРЬ**

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудо – книга. Универсальная энциклопедия для детей. В трех томах. Составитель: Н. Николаева. Издательства «Туран», 1996г. «XXI век», 1996, Международное издательство «Туркестан», 1996г.
2. Э.А.Бессмертных, Л.А.Черниченко. «В огне и холоде тревог». Шедевры отечественной поэзии XVIII, XIX, XX веков. Том 2 М;. Издательский дом «Синергия» 2004.
3. Александр Дюма «Граф Монте - Кристо» Ташкент 1991.
4. А.П. Чехов «Рассказы». Государственное издательство художественной литературы. Москва 1953.
5. А.П.Чехов. Избранные сочинения в двух томах. Алма - Ата Жазушы. Т I. Рассказы и повести 1880-1895 годов. 1983.
6. И.С.Тургенев. «Записки охотника». Москва, «Просвещение», 1985.
7. Юрий Нагибин. Страницы творчества. Москва, «Русский язык», 1987.